

ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ.

Под редакцией г-на Струве¹ стал выходить в Штутгарте либеральный орган «Освобождение». После 3-летней борьбы с революционным марксизмом во имя бернштейнианства г-н Струве убрался, наконец, в лагерь либеральной буржуазии. Скатертью дорога!

Революционный пролетариат вынужден считаться с тем, что от времени до времени иные захваченные волной его исторического движения интеллигенты отделяются от него и перебегают в тот политический лагерь, где обществу легче рассчитывать на непосредственный успех его работы. И если бы эти перебежчики могли, уходя к либеральной буржуазии, внести в ее среду хотя бы только то революционное настроение, ту непреклонную ненависть к царизму, которой одушевлены сознательный пролетариат и социалистическая интеллигенция, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться с фактами подобного дезертирства. К сожалению, приходится констатировать, что бывшие оппортунисты социализма оказываются слишком умеренными, слишком неревOLUTIONными даже для того, чтобы двигать вперед развитие либерально-демократических элементов.

Вот как определяет г. Струве свою задачу, как литературного представителя либеральной партии: «Дать этому уже готовому, уже созревшему сознанию литературное выражение — вот на что мы притязаем. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашу долю выпала лишь роль регистраторов свободной политической мысли в России, если бы мы здесь, за рубежом, могли только предавать тиснению идущее из России свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками». И в другом месте: «Это не означает, однако, что редакция от себя предложит читателям готовую программу, содержащую по пунктам решение всех основных вопросов необходимого для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать программу им, а получить ее от них — вот на что рассчитывает редакция „Освобождения“».

Мы хорошо знаем, что всякая буржуазия, хотя бы и трижды либеральная, по отношению к своим «идеологам» — к политическим и литературным представителям своего класса — является весьма строгим «хозяином», требующим, чтобы они были не более, как «регистраторами» ее «свободной политической мысли», выражающей ее классовые интересы. Мы хорошо знаем, что экономическая необходимость или сила «общественного мнения» данной среды являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цели и превратить

идеологов в простых «регистраторов», в простых «кулиев» (поденщиков) на службе буржуазии. Но об этом не принято говорить. Напротив, принято делать вид, будто бы то, что диктуется «политической мыслью» буржуазии, выходит из-под пера писателя или из уст оратора, как свободное выражение его собственной политической мысли... Быть-может, своеобразность положения г. П. Струве, как вчерашнего марксиста, делала неизбежными особые с его стороны гарантии того, что его политическая мысль совпадает с классовыми интересами... то бишь, с свободной политической мыслью того класса, на служение которому он ныне отдает свои труды, свои знания и свои таланты.

В статье «От русских конституционалистов» мы находим ту политическую программу, которую г. Струве «получил» от русской «земской политической партии», как выражаются о себе авторы статьи. Г. Струве «всего целиком присоединяется» к этой программе. Два письма «земцев» в 1-м и 2-м №№ дополняют эту программу и дают нам возможность составить себе довольно полное представление о характере нового литературно-политического предприятия.

«Отличие нашего органа от других заграничных изданий, — заявляют «конституционалисты», — заключается в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Итак, либералы намерены и впредь оставаться вне сферы революционной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазию на путь революционной борьбы против царизма, а оставить ее на том пути неревOLUTIONной оппозиции царизму, на котором она топчется без всякого успеха 40 лет; не двигать либеральную буржуазию вперед, а держать ее на одном месте, — вот цель «земской политической партии».

«Мы вовсе не желаем порвать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой мы, по мере наших сил, работали до сих пор», говорят земцы в № 2 «Освобождения», а г. Струве в редакционном заявлении с большим усердием защищает эту позицию от критики тех «тенденциозных» социалистов, которые думают, что «мирная и легальная» культурная деятельность не есть еще та политическая борьба с царизмом, которая является обязанностью всякого русского гражданина. «Такому движению, — говорит г. Струве, — нельзя навязывать, в качестве общеобязательных, средства, пригодные и приемлемые только для отдельных крайних групп, нельзя внушать взглядов и настроений, которыми оно в целом и общем не может проникнуться» (курсив наш). Вместо того, чтобы «глаголом жечь сердца» российских обывателей, напоминая им, что борьба с «на-

циональным врагом» — царизмом — требует «подвигов» и героических настроений, вместо этого им внушают, что «выше лба уши не растут» и что только «отдельные крайние группы» могут стать выше жалкой «культурной» и легальной работы в современных условиях, массе же позволительно застыть в ее трусости, половинчатости и эгоизме. Наши «критики марксизма» и бернштейнники много старались о том, чтобы привить нам, социал-демократам, такое мнение о праве рабочей массы оставаться вечно в этом состоянии политического младенчества. Наш пролетариат отказался от этой почетной позиции. Неужели г. Струве будет иметь больше успеха с той же проповедью, обращаемой им ныне к массе либеральных собственников?

Какова же политическая задача новой партии, если она так решительно отрешивается от задачи самостоятельной политической (т. е. при современных русских условиях — революционной) борьбы? Ни одним словом «Освобождение» не дает нам основания думать, чтобы этой задачей было — содействие революционной борьбе, уже ведущейся, т. е. борьбе рабочего класса, борьбе учащейся молодежи или загорающей борьбе крестьянства. Задача новой партии — «организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнение». Очень хорошо. Но какова же будет роль этого организованного общественного мнения? На этот вопрос и отвечает нам статья «От русских конституционалистов».

«Многочисленные признаки показывают, что разложение нашей государственной формы идет быстрыми шагами вперед». Революционное брожение в «низших слоях населения», «широко развившееся рабочее движение», студенческие беспорядки, террористические факты и крестьянские бунты — все эти активные нападения на самодержавие должны, по мнению наших либералов, вынудить правительство «приступить к серьезной политической реформе» и для этой цели обратиться к земству. И вот роль «организованного общественного мнения» либеральных собственников сводится к тому, чтобы подготовиться к этому важному моменту и наметить программу действий для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы с царизмом в настоящее время, сколько для переговоров с царизмом в такое время, когда последний, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о «серьезной политической реформе». Какие же условия поставят в этот момент наши либералы?

Они требуют «принципиального признания» (путем царского манифеста) целого ряда перечисленных ими «основных прав»: свободы печати, собраний и союзов, личной неприкосновенности, равенства перед законом и права петиций*. Когда царский манифест даст народу все эти права, отменит всякие незаконные административные распоряжения и даст амнистию осужденным за государственные преступления, тогда царь, признав в принципе «бессловное народное представительство», должен созвать представителей от земств и

крупных городов, которые и порешат вопрос о проведении в жизнь всех вышеперечисленных принципов, т. е. выработают конституцию.

Итак, основная задача «земской политической партии» достаточно ясна: когда революцион. движение расшатает царизм, она выступит с требованием, чтобы ликвидация этого царизма и определение основ нового свободно-конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земства и городских дум, т. е. известной части земельных собственников и капиталистов. Стало-быть, отказываясь принять участие в борьбе, направленной непосредственно на разрушение ненавистного всем порядка, наша либеральная буржуазия больше всего озабочена тем, как бы сделать, чтобы дело установления нового порядка досталось целиком в ее руки. Мы очень хорошо понимаем это стремление либеральной буржуазии. Для нас очевидно, что, отказываясь от участия в классовой борьбе, направленной против царизма, она тем более спешит подготовить свои силы для классовой борьбы против тех социальных групп, которые добиваются свержения самодержавия, чтобы установить новый политический порядок с наибольшей выгодой для их интересов. Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазию не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием.

Г. Струве скажет, что это — клевета. Он укажет нам, что «конституционалисты» мотивируют необходимость передачи дел выработки нового политического порядка земцам интересами... свободы. Они заявляют, что предоставить выработку этого нового порядка какому-либо избранному для этого специальному собранию — вне земских собраний — прямо-таки опасно. Кто будет созывать собрание? То же самое — все еще самодержавное — правительство? Но «создать канцелярским путем какие бы то ни было новые избирательные коллегии для выбора обществом людей, призванных осуществлять реформу, — значило бы начать с нарушения одного из самых основных принципов реформы». Конституционалисты готовы признать, что собрание представителей земства может оказаться недостаточно демократичным, но... «во всяком случае, такой путь вернее и лучше, чем тот „скачек в неизвестное“, который представляла бы всякая попытка выборов ad hoc.*, под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно-определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев» (курсив наш). Итак, «Освобождение» полагает, что для дела свободы надежнее будет отдать реформу в руки земства, так как кроме него налицо будут только два фактора: опытная в политических мошенничествах бюрократия и «непривычные к политической жизни» народные массы. Так ли это, однако? А где же будет организованная сила революционных партий — авангарда народных масс? Неужели существование этих партий, которые своей борьбой приведут к падению самодержавия, будет меньшей гарантией свободы выборов, чем какую представят наши

* Повидимому до тех пор, пока самодержавие не «пожалует» им права петиций, наши либералы не намерены пользоваться даже этим обычным средством заявления своих желаний. Ведь они «не намерены сходить с легальной почвы».

* Для специальной цели.

земства, отказывающиеся вести активную борьбу с царизмом, чтобы «не сойти с почвы легальной и мирной деятельности»? Мы полагаем, что в революционный период, т. е. в период выработки нового политического порядка, единственно-надежной гарантией против обманов и насилий реакционеров может быть только сознательность народных масс и организованность и решительность тех партий, которые вынесут на своих плечах дело освобождения. И тот, кто серьезно заботится о том, чтобы политический кризис, переживаемый Россией, разрешился не новым правительственным обманом, а действительным политическим переворотом, тот должен, во 1-х, содействовать политическому сознанию народных масс, а, следовательно, развитию в этих народных массах интереса к политической свободе, а во 2-х, — способствовать усилению тех непосредственно борющихся с современным порядком революционных сил, которые своим натиском свалят самодержавие.

А, между тем, наши конституционалисты не делают ни того ни другого. Выступая довольно уверенно как представители всех прогрессивных элементов в России, они до такой степени проникнуты узко-классовыми интересами одной социальной группы — помещичьего земства, что не пытаются даже связать выставленные на их знамени политические требования с социальными требованиями того рабочего класса, который, по словам самого г. Струве, «проснулся к свободе, требует ее и возьмет ее». В числе «свобод», признание которых в царском манифесте требуется конституционалистами, не упомянута свобода стачек. Даже это требование, в принципе признаваемое либеральными буржуа во всех странах, даже оно должно быть добыто силами самого пролетариата и только его — наши либералы не захотели, хотя бы из приличия, написать его на своем знамени! Требуя «самой широкой амнистии по всякого рода государственными преступлениям», они молчат об амнистии тех, кто осужден за стачки, рабочие и крестьянские беспорядки. В «Открытом письме от группы земских деятелей» (№ 1) о недавних крестьянских волнениях говорится в следующих фразах, которые заслуживают быть выжженными на лбу отставного социалиста, заведующего органом «земской партии»:

«Очевидно, революционная пропаганда в данном случае только и могла принести плоды на почве народного обнищания, невежества, непонимания элементарнейших основ гражданского права*, бесправия и разобщенности культурных, мирных элементов общества от народа».

Итак, агитация, впервые выводящая народные массы из векового политического сна, прививается и дает плоды на почве невежества! К крестьянскому движению, направленному против тех «основ» русского «гражданского права», которые узаконяют первобытнейшие формы кабалы и бесправия, относятся, как к какому-то нашествию варваров... Неудивительно, что те же земцы говорят об «общей почве классовых и эгоистических интересов, вздымающейся подобно ужасному вулкану, который может каждую минуту совершить самые ужасные опустошения». Испугавшись этого страшного вулкана, который в своем извержении, наверное, безвозвратно унесет в область

прошлого и «аренду на отработки», и почтительность «мужичка» и много других прелестей сельской жизни, наши свобододолюбивые помещики обещают содействовать «устранению правительственной и народной* анархии и царящих у нас ужасных недоразумений, которые готовы толкнуть Россию на путь продолжительных и совершенно излишних страданий, насилий и кровопролитий», и в грозном негодовании на «близорукую и неумелую бюрократию» ставят ей в вину, что она «все расшатывает, в том числе и самодержавие, которому она якобы служит». Даже самодержавие! Да, чтобы добиться себе некоторых прав силами русского народа и не поступиться при этом в пользу крестьян ни одной десятиной земли — для этого не следует окончательно разрывать «даже с самодержавием»!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помещики, видимо, не думают. Выговорив себе полномочие устроить судьбы русского народа в собрании земских представителей, они полагают, что им в свою программу вовсе не следует вводить тех «экономических» реформ, тех мер по «рабочему и аграрному вопросу», которые должны быть проведены после политического освобождения России. Это — дело тех парламентов, которыми нас наградит Земский Собор. В настоящее время нужно говорить только о политических вопросах. Но и не о всех политических вопросах следует теперь говорить. Так, напр., вопрос «об избирательных правах населения» или об отношении народных представителей к монарху имеет несомненно «не только техническое, но и принципиальное значение». Но — «тем не менее, решать эти вопросы в том заявлении, которое должно наметить лишь ближайшие перспективы для выполнения нашей программы, значило бы, как нам кажется делить шкуру неубитого еще медведя» (курсив наш). И в самом деле: чем «делить шкуру» политических прав с народом, почему бы, как выражается один товарищ в присланном нам письме, не взять ее целиком? Выступая в качестве представителей всей России, наши помещики не только не хотят связать себя обещанием поддержать народ в его насущнейших экономических требованиях, они не берут на себя даже обязательства предоставить ему политическое равенство, немислимое без равного и всеобщего избирательного права. И эти люди думают, что народ сочтет передачу «дела реформы» в их руки надежной гарантией того, что проливаемая им в борьбе за свободу кровь прольется даром!

Да и какое доверие могут питать народные массы к политическим деятелям, которые, собираясь «организовать общественное мнение», не только всячески открещиваются от звания «революционеров», но и не отказывают себе в удовольствии выразить свое порицание тем, кто своей самоотверженной борьбой пролагает путь свободе? Как раньше, так и теперь, пишут земцы (в № 2 «Освоб.»), мы остаемся противниками всякого насилия**, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу.

* Курсив наш.

** В майской книжке либерального «Вестника Европы» г. Слонимский рассказывает о том, что всеобщее избирательное право грозит опасностями не реакционным, но «прогрессивным партиям».

* Курсив наш.

Кокетничание с тем самым самодержавием, которому объявляется война, страх собственника перед тем самым народом, во имя интересов которого требуется для «земской партии» роль представителя «нации»; плохо прикрытая защита классовых интересов помещиков — наряду с громкими фразами против классовой борьбы — и предательские попытки дискредитировать революционное движение в то самое время, когда все расчеты строятся на его успехе, — таковы основные элементы политического направления «конституционалистов».

Ни рабочий класс ни революционная демократия вообще не могут оказать такой партии никакого политического кредита.

[Л. Мартов]

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА.

Передовая статья 20 № «Искры» вызвала неудовольствие так называемой «боевой организации партии социалистов-революционеров». Эта организация упрекает нас в том, что мы выставили в неверном освещении событие 2 апреля, указав на связь между этим событием и реакционной политикой правительства по отношению к учащейся молодежи. «С. В. Балмашев², — поправляет нас эта «организация», — был прежде всего социалистом и революционером... убийство министра внутренних дел совершено им не как студентом, а как членом боевой организации социалистов-революционеров, по ее постановлению и при ее непосредственном содействии... С. В. Балмашев явился исполнителем решения боевой организации партии, и мотивов его решения нужно искать прежде всего в официальных заявлениях этой организации, а не в каких бы то ни было догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ.

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро. Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г. Струве, с которого революционеры-рабочие всего 1½ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вожь (или прислужник?) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрений промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, бтараются заменить сближение с определенными классами сем более шумным выступлением, чем громче гремят со- тытия. «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих

Юпитер, ты сердись, стало-быть, ты не прав.

Мотивов решения, принятого покойным С. В. Балмашевым, надо искать в его собственных словах: только обращаясь к этому источнику, мы не рискуем попасть в заблуждение, благодаря произвольным догадкам и «неизвестно на чем основанным» заявлениям.

Что же говорил сам С. В. Балмашев?

Он категорически утверждал на суде, что его «единственным сообщником и помощником было русское правительство». Он ни единым словом не упомянул о «боевой организации партии соц.-рев.», и, повидимому, ему осталось неизвестным самое существование этой организации с ее постановлениями.

Нам говорят, что С. В. Балмашев был прежде всего социалистом и революционером. Мы охотно верим тому, что он был социалистом, и мы не имеем ни малейшей охоты и решительно никакой возможности сомневаться в том, что он был революционером. Но мы не знаем, откуда видно, что он был «социалистом-революционером». Мы боимся, что именно это утверждение основано «на догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных».

Далее нам ставят на вид, что убийство министра внутренних дел совершено Балмашевым не как студентом, а как членом «боевой организации». Но если бы принадлежность С. В. Балмашева к этой организации и не подлежала сомнению, — а мы уже знаем, что она более чем сомнительна, — то и тогда наша мысль о причинной зависимости между правительственными преследованиями студентов и выстрелом 2 апреля осталась бы совсем не опровергнутой. Ведь Балмашев, действительно, был студентом, и он, действительно, испытал на себе всю тяжесть преследований, направленных против нашей учащейся молодежи. Эти преследования сделали из него революционера, а, сделавшись революционером, он мог

революционно-настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров: это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих и главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между 2 стульев и не имеющих никакой программы, выступать тльпи factum хоть с чем-нибудь, похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства, оговариваясь, что в газетной статье можно только

сойтись и с «боевой организацией» (чему, однако, решительно противоречит его собственное заявление); все это было очень естественно, но все это нисколько не показывает, что его решение сложилось независимо от «сердечного попечения» наших реакционеров о наших высших школах, и все это нисколько не показывает, что мы ошиблись.

«Сипягин убит,— продолжает «боевая организация», — как министр внутренних дел, на ответственности которого лежат тысячи вопиющих злодеяний, злодеяний, перед которыми меркнут даже все драконовские мероприятия, специально направленные против волнующихся студентов».

Но мы вовсе не утверждаем, что С. В. Балмашев хотел покарать Сипягина только за студентов. «Боевая организация» совершенно не поняла нашей статьи. Заряжая свой карающий револьвер, Балмашев имел в виду бедствия всей угнетенной России, но ведь эти же бедствия имеет в виду все наше передовое студенчество, давно уже переросшее узкие требования «академической свободы». Между тем, никто из мыслящих людей не удивится, если мы скажем, что революционное настроение нашего студенчества (не исключая и самых передовых его элементов) вызывается прежде всего ненормальностью его собственного положения как учащегося «сословия». Боевая организация почему-то не обратила внимания на слова: «прежде всего». Эти слова указывают на гонения, испытываемые нашим студенчеством, как на ближайшую причину пробуждения революционной мысли этого студенчества. Но раз революционная мысль пробудилась, то совершенно естественно, что она не останавливается на чисто-академических требованиях. Она открывает причинную зависимость между положением учащейся молодежи в частности и положением всей страны вообще; она выставляет политические или даже социально-политические

требования. Это очень ясно видно на примере самого Балмашева. Обвинительный акт по его делу цитирует следующее интересное место из одной его рукописи: «Студенты сознают... что строй, при котором они живут, поддерживается маленькой горстью людей, в ее личных, глубоко эгоистических интересах. Студенчество дождалось сильнейших репрессий... русское правительство желало им самим установленные драконовские законы менять на еще более бесчеловечные... Изменение академического строя возможно исключительно лишь с переменой всего общественного строя, почему студенты и должны стремиться к уничтожению современного монархического строя».

Этот отрывок с поразительной ясностью показывает, что именно ненормальное положение нашего студенчества было точкой отправления революционной мысли С. В. Балмашева*. «Боевая организация» ссылается на то, что в письме к своим родителям Балмашев говорит, что приносит свою жизнь «в жертву великому делу облегчения участи трудящихся и угнетенных». Это святые слова; но и эти святые слова нисколько нас не опровергают. Немецкий студент Карл Занд, поразивший Коцебу в марте 1819 г., говорил себе словами тогдашней революционной песни: «Ein Christus sollst du sein», т. е. ты должен быть Христом; ты должен жертвовать своей жизнью для нуждающихся и обремененных. Это как раз

* Нам заметят, пожалуй, что составитель обвинительного акта мог неправильно процитировать рукопись С. В. Балмашева. Но этот последний не нашел нужным ни протестовать против приведенного отрывка (что он непременно сделал бы, если бы отрывок был сочинен самим обвинителем), ни дополнить его какими-нибудь пояснениями. Следовательно, мы имеем право предположить, что этот отрывок правильно выражал его мысль.

вкратце наметить основные пункты аргументации и что к более подробному ее изложению нам еще придется, вероятно, вернуться в журнальной статье или брошюре.

С принципиально теоретическим заявлением социологов-революционеров собрались выступить только во 2 № «Вестн. Русск. Рев.»³ в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высоко-замечательной статьи может быть передано в двух словах. Социализм вырос в мировую силу, социализм (марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революц., «конечно», не почувствовали никогда оппортунизму, но мы скажем и играем по поводу «критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр этой догмы, — и хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее

объединение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры. «Серьезная революционная организация», — пресерьезно уверяет нас «В. Р. Р.» (№ 2, стр. 127), — «отказалась бы от решения вечно раз'единяющих спорных вопросов социальной теории, что, конечно, не должно мешать теоретикам искать их решения» — или, прямее: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, а мы, пока суд да дело, возрадуемся по случаю освобожденного пустого места.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию, — решительнее занять строго определенную позицию — резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-рев., раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-рев., отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особенно удобная «для объединения». Как видите, нам и им не столкнуться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит

то, что писал С. В. Балмгшев. И тот же Занд, решившись поразить Коцебу, вышел из студенческой организации, мотивируя свой выход тем, что он хочет стать мстителем за весь народ.

Психология Карла Занда, как две капли воды, похожа на психологию С. В. Балмашева, а между тем давно уже даже все школьники, — не исключая и самых непонятливых, — знают, что в смерти Коцебу виновато было прежде всего упорство той реакционной клики, которая держала в своих руках судьбы тогдашней Германии и которая отвечала полицейскими преследованиями на самые естественные и самые неизбежные требования тогдашнего немецкого студенчества.

Так называемая «боевая организация» очень плохо поняла исторический смысл того самого события, которое она взялась выставить в истинном свете. Сеем думать, что мы отчасти уже выяснили ей этот смысл. Но если ей и теперь что-нибудь неясно, то мы и впредь готовы к ее услугам.

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Два земских с'езда.

В прошлом году мы отметили знаменательное явление в жизни нашего земства: небольшой с'езд либеральных земцев нескольких губерний. В конце мая и в июне нынешнего года состоялись новые с'езды земских деятелей при большом числе участников и по более широкой программе, чем прошлогодний. В занятиях майского с'езда принимали участие представители 25 земских губерний в количестве 45—50 человек.

ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее) говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не раз'единить, а объединить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое действительно значительное значение имеет их позиция освобождения от социализма для объединения и объединения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем ко второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к «критике». Мы не оппортунисты, — кричат соц.-рев., — и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. «Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах», — уверяют соц.-рев. и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя

Занятия, продолжавшиеся 4 дня, посвящены были, главным образом, вопросам, поднятым учреждением Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности⁵: о составе Особого Совещания, об отношении, в которое должно стать к совещанию земство, о правовом и экономическом положении крестьянства (равенство всех перед законом, вопрос об увеличении крестьянского землевладения). — Мы не считаем возможным брать на себя почин в опубликовании положительной части высказанных на майском с'езде взглядов и желаний передовых земских деятелей по этим важным и интересным вопросам.

Что касается отрицательной, критической части рассуждений земцев, то «закрытые двери» совещания развезали язык ораторам и дали возможность в страстных, порою блестящих речах вылиться всей ненависти представителей земства к самодержавно-бюрократической опрличнине. В особенности досталось С. Ю. Витте и его финансовой политике. Если бы он знал, как его не любят! Досталось и августейшей марионетке русского правительства, убогому бедному Никс-Милуше.

Июньский с'езд земцев (или «слет», как не без остроумия называют они свои совещания) был непосредственным продолжением майского с'езда. В связи с крестьянским движением на юге говорилось о желательном реформировании деревни, при чем в виду разногласий между представителями северных губерний, которых минула чаша сия — волнения крестьян — и южных, решено было вопрос об аграрных реформах оставить пока-что открытым... В общем, однако, ничего нового ни по существу вопросов, поставленных на обсуждение, ни по отношению ораторов к этим вопросам и жгучим общим вопросам современности этот с'езд (кстати сказать, еще более многлюдный, чем майский) не дал.

Из других источников нам сообщают по этому поводу: Узнав, очевидно, через шпионов все подробности совещания, министр внутренних дел доложил об этом царю, и вот все участники совещания вызываются поодиночке к своим губернаторам и выслушивают от них (устно) выражение монаршего неудовольствия их поведением. В бумаге, которую губернаторы читают, не давая на руки, провинившимся земцам, сказано, что его величество выражает свое неудовольствие по поводу участия такого-то на противозаконном с'езде и предупреждает, что в случае повторения подобного проступка виновный немедленно бу-

всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3 апреля 1902 г., изданная «Партией Соц.-Рев.» Это самый живой, близкий к непосредственным деятелям, самый аутентичный источник. «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и «с партийным воззре-

дет устранен от занимаемой им должности. Более видные земцы, как, например, председатель Московской губернской управы Шипов, вызываются в Петербург, где они подобное же внушение выслушивают от Плеве⁶.

Орловский предводитель дворянства Стахович тоже был вызван в Петербург. Плеве предложил ему подать в отставку и избрать постоянное местожительство. Стахович ответил, что, как подчиненный непосредственно царю, он подчинится только его прямому приказу. Чем кончится дело, неизвестно.

Еще секретный документ.

Секретно.
Циркулярно.

М. Ф.
Главное Управление
неокладных сборов
и
казенной продажи питей.
Канцелярия исп. отд. I ст.
8-го мая 1902 г.
№ 897.

Гг. Управляющим
акцизными сборами.

В одном из акцизных управлений произошел случай арестования и заключения в тюрьму одного вольнонаемного писца, при чем, из имеющихся в распоряжении Главного Управления неокладных сборов и казенной продажи питей сведений, усматривается, что упомянутое лицо принято было на службу без надлежащего сношения с местной администрацией относительно его политической благонадежности.

Приведенный факт наглядно указывает на крайнюю желательность предварительно зачисления лиц на службу в акцизные управления по вольному найму иметь о таких лицах возможно точные данные, дабы избежать на будущее время повторения случаев, подобных вышеизложенному.

Вследствие этого, предлагаю гг. управляющим акцизными сборами к неперемennomу руководству при выборе вольнонаемных служащих входить каждый раз в сношение

с надлежащими властями для выяснения политической благонадежности и нравственных качеств лиц, принимаемых во вверенных вам Управлениях в число вольнонаемных служащих.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

Директор Правления.

Мужи науки в роли добровольцев сыска.

Из Томска пишут, что ректор Томск. университета Судаков настроил донос в мин. нар. пр. Это — рукопись весьма почтенных размеров, случайно она попала в руки публики. Почтенный ректор делит томских обывателей на три разряда. Первый, самый большой, это — либералы — лица, сочувствующие всяким протестам, в том числе и студенческим беспорядкам, оказывающие бунтарям всяческое содействие и преследующие истинных сынов отечества, студентов, идущих против волнений. В число «либералов» попал даже томский губернатор Ломачевский за то, что разрешил служить санитарным врачом одному коноводу студентов-бунтарей (фамилии не сообщает). Конечно, продолжает Судаков, есть и истинные верноподданные, но «мало их», и либералы их оттирают на задний план. Третий и самый опасный разряд, по мнению его, это — радикалы, так сказать активно-бунтарский элемент, но «холоден и беден наш язык» для того, чтобы описать всю черноту замыслов «радикалов», и почтенный ректор в ужасе замолкает.

К доносу приложено и ходатайство профессоров Томского у-та «об обуздании местной прессы», во главе которой стоит «ничтожный еврей» (Прейсман, редактор «Сиб. Вестника»), не дающий томским профессорам покоя своими нападениями. «Пробовал Судаков писать опровержения (говорится в ходатайстве), да еще хуже выходит». — Кто подписался (или вернее, кто не подписался — как иронически добавляет автор письма из Томска) под этим «ходатайством» — неизвестно.

нием», по ценному свидетельству «Рев. России»⁴ (№ 7, стр. 24. *).

Прокламация 3 апреля замечательно аккуратно копирует шаблон «новойшей» аргументации террористов. Вам всего прежде бросаются в глаза слова: «Мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом вдвое более крупных размеров, чем остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом, «не вместо, а вместе» — и все доводы соц.-демократов, весь урок истории сразу отпадает. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию, и вы увидите, что божба жирного шрифта всеу приемлет имя масс. То время, «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота» — «увы!» (буквально так: увy!) «еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет

жертв!» Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо без рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Слушайте дальше: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу (!) перебрасывает (!) на сторону борцов за свободу». «И раз террор будет проведен систематически (!), то очевидно, что наша чаша весов наконец перевесит». Да, да, для всякого очевидно, что перед нами в самой грубой форме величайший из предрассудков терроризма: политическое убийство само собой «перебрасывает силу!» Вот вам, с одной стороны, теория перебрасывания силы, а с другой — «не вместо, а вместе»... Как божиться-то не лень?

* Правда, «Рев. Росс.» и по этому пункту проделывает какую-то эквилибристику. С одной стороны, «целиком совпадает, с другой, нарек на «преувеличения». С одной стороны, «Рев. Росс.» заявляет, что эта прокламация дело лишь «одной группы» соц.-рев. С другой стороны, мы имеем тот факт, что на прокламации стоит подпись: «издание Партии Соц.-Рев.» и, кроме того, повторен эпитаф той же «Рев. Росс.»

(«в борьбе обретишь ты право свое»). Мы понимаем, что «Рев. Росс.» неприятно касаться этого шекотливого пункта, но мы думаем, что играть в прятки в подобных случаях прямо неприлично. Революционной социал-демократии тоже неприятно было существование экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить в заблуждение.

Витебск. На последнем военном параде, когда весь местный гарнизон был выстроен на площади, где толпился также жадная до зрелищ публика, вдруг раздается какая-то необычная для подобных случаев команда: «Нижние чины иудейского вероисповедания, вперед!» Происходит замешательство в рядах войск; евреи солдаты спешат выйти вперед, еще не зная, на что их требует их грозное «начальство»; в публике недоумение и напряженное внимание. — «Когда вы пойдете куда-нибудь в гости, — обращается корпусный командир Батьянов во всеуслышание к солдатам-евреям, — или вы поедете домой, то передайте вашим единоверцам, чтобы они не вмешивались в политику и против правительства не шли, потому что если правительство на один день снимет с них глаз, то не останется ни одного целого еврейского ребра!»

Поистине трогательное отеческое отношение Батьянова к евреям. Как корпусный командир, Батьянов является представителем военной власти, а не гражданской, и забота о спокойствии в городе и благополучии его жителей лежит исключительно на плечах гражданских властей. Батьянов спешит предупредить евреев, удержать их от гибельного шага — не по долгу службы, а из чувства гуманности, доброжелательства и пр.

Впрочем, я сильно сомневаюсь, действительно ли в таком духе понял эту речь еврейское общество. Этот крепковольный народ, не раз уже выказавший свою черную неблагодарность к пекущемуся о нем правительству, всячески охраняющему его от зловредного влияния науки, от деморализации на государственной службе, от трудных и неблагодарных, при настоящих условиях, занятий земледелием, от гибельных для нации последствий в случае рассеяния по всей матушке-России и т. д., — этот несправедливый народ, боюсь, и полную заботу о нем речь Батьянова сумел перетолковать по-своему: нашел в ней грозное напоминание об ужасных 80-х годах с антиеврейскими беспорядками на всем юге России и указание на возможность повторения этих беспорядков теперь.

Не очень-то довольно осталось речью Батьянова и местное христианское общество. Оно нашло для себя унижительным и несоответственным с его человеческим достоинством взгляд на него «генерала», как на слепое орудие в руках нашего реакционного правительства, готовое будто бы по первому его указанию растерзать ни в чем не-

повинных людей. Да и то сказать, почетного в подобной роли действительно мало.

Этим похождения Батьянова еще не закончились. Верноподданная буржуазная часть евр. интеллигенции, поверженная выходкой Батьянова в недоумение (не в негодование, о нет!), сочла нужным отправить к нему делегацию для переговоров и объяснений, но не для выражения протеста, конечно. Батьянов милостиво принял делегатов, выслушал и, желая, должно быть, их успокоить, сказал, между прочим, что стрелять он не будет, но непременно будет сечь (чтобы, значит, ни в чем не отстать от ф.-Валя). Тогда г. Ц., один из делегатов, как юрист, близко принимающий к сердцу интересы правосудия, дипломатично заметил, что «его превосходительство будет, конечно, действовать на основании закона». Но Батьянов снисходительно улыбнулся при виде наивности г. Ц. и сказал: «Нужно уметь читать законы между строк».

Тем аудиенция и кончилась.

Рославль, Смоленск. губ. (Из материалов «Рабочей Мысли».)

В начале этого года в нескольких местах нашего уезда крестьяне начали отказываться платить новый налог в 28 коп. В феврале появилась популярно, живо и горячо написанная прокламация, призывавшая крестьян к массовому отказу от уплаты податей и советовавшая прибегать к насилию против насилия властей. Прокламация была хорошо принята; ее даже читали на сходках, как доказательство правоты своего дела. В нескольких деревнях силой прогнали властей, явившихся описывать имущества. Власти града Рославля всполошились. К этому времени у некоего Певзнера квартирный хозяин, имевший с ним личные счеты, заметил подозрительные книги. Посоветовавшись с неким дрянным мальчишкой, вольноопределяющимся Чижевским, указавшим ему возможность насолить недругу, он стянул книги и принес в полицию. Книги оказались нелегальными. Жандармы возликовали. Однако, спрос, благодаря прекрасному поведению Певзнера, ничего не дал. Тогда полковник Громека прибег к другой мере: схватив двух крестьян, читавших, не скрываясь, прокламации, он засадил их в кутузку и, почти не давая им есть, с угрозами требовал указать давших прокламации.

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» — спрашивает Партия Соц.-Рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дела до крайности!!» (откуда они это узнали??), да притом же «это и легче» (буквально так!): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости». И эта аргументация заканчивается следующим рассуждением, которое заслуживает быть увековеченным как образец «теории» соц.-рев.: «Против войны у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций — тайная и явная полиция, но что спасет его»... (кого его? самодержавие? автор незаметно для себя отождествил уже самодержавие с тем министром, в которого бить легче!)... «от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно, неизменно даже друг от друга (!) готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуволости. Значит, наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия единственным способом, который оставило (!) нам самодержавие, — смертью». Какие бы горы бумаги ни исписали соц.-рев., уверяя, что они своей проповедью террора не отодвигают, не дезорганизуют работы в массах, — им не опровергнуть потоками слов того факта, что действительная психология современного террориста верно передается именно цитируемой прокламацией. Теория перебрасывания силы естественно дополняется теорией

неуволости, теорией, окончательно переворачивающей вверх дном не только весь опыт прошлого, но и всякий здравый смысл. Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить «наоборот», договорившись до баснословной, вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций — полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, не спасет ничто!!

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов, общую им с экономистами (может быть надо уже сказать: с бывшими представителями покойного экономического?). Эта ошибка состоит, как мы уже много раз указывали, в непоминании основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной активности пролетариата, неспособными идти вперед и руководить массами. Что такого рода несоответствие

Перед мужиками продемонстрировали всю местную интеллигенцию, но, к глубокому негодованию полковника, они упорно твердили свое: «Не признаем». Однако, местный полицейский надзиратель, страшный взяточник и обер-шпион, Трусевич, каким-то путем заставил их указать на ни в чем неповинного столяра Павлова, который когда-то обидел г. надзирателя, пырнув его ножом в публичном доме. Павлов был арестован и без допросов содержится до сих пор. За это время успела появиться новая прокламация к обывателям, объяснявшая современное положение России. Оскорбленные в лучших своих чувствах, жандармы произвели ряд обысков в наиболее интеллигентных домах. Полная неудача; однако, петербургский студент В. Ю. Фридолин арестуется «за оскорбление представителей власти» (он заставил жандармов снова постелить разрытую ими кровать).

Между тем, неповиновение крестьян не только не прекратилось, но еще усугубилось разными слухами о передаче земли в самом непродолжительном времени, «после пасхи». Передают следующий случай. Один помещик подрубал в своем саду деревья. Проходившие мимо крестьяне, видя его усердие, с благодушным сожалением увещивают его не маяться зря «на нас». — «Как так, такие сякие?» — возмущается помещик. — «Да все равно, земля-то наша все после пасхи будет», — резонно объясняют мужики и в доказательство рассказывают о полтавских и харьковских волнениях. Все это заставляет г. полковника наводить город шпионами, которые, однако, вели себя так, что были менее опасны, чем добровольцы доносчики из обывателей. По доносу одного «батушки» производится обыск у одного купца Матренина, у которого на пчельнике, по остроумным соображениям г. полковника, должна была находиться... типография. Типографии не оказалось, но оказались пчелы, изрядно покусавшие жандармов за беспокойство, за что, однако, арестованы не были.

Чем ближе время шло к маю, тем больше к опасениям насчет крестьян присоединялась боязнь «бунта» железнодорожных рабочих. Именно «бунта» с поджогами, убийствами и подобными ужасами. Действительно, среди рабочих появилось брожение, имевшее своим исходным пунктом понижение заработка, дурное обращение, уменьшение пособий в случаях похорон, крестин, но о бунте и речи быть не могло. В апреле появлялось еще несколько прокламаций к обывателям, резко политического характера, и

одна к крестьянам по поводу убийства Сипягина. Хорошо составленные и оттектографированные прокламации эти, разбросанные хотя и в небольшом количестве, производили большое впечатление на население, преимущественно рабочее, у многих впервые вызывая сомнения в благополучии России, желание поближе познакомиться с теми людьми, которые подписываются «ваши друзья и защитники» и за которым гонится жандармская свора. Под влиянием слухов о каких-то людях, которые «так тебе все как на ладони расскажут, что будто сам ты всегда так думал», многие даже отсталые рабочие искали всюду этих людей, чтоб расспросить, кто насчет «божественного» (вопрос о боге), кто — «как, значит, нам теперь быть». Влияние прокламаций было так велико, что начальник железнодорожных мастерских Шепелев (прозванный рабочими Шпилькой) добровольно надбавил отчасти расценки, лишь бы избежать «бунта».

Наконец, первого мая появилась первая прокламация чисто местного характера, обращенная к железнодорожным рабочим. Рисуя им жалкое их существование, прокламация зовет их к организации для борьбы за лучшую свободную жизнь, советуя, как первый шаг, стачку в пользу больных расценки и лучшего обращения. Прокламация, смело и хорошо разбросанная, попала к многим рабочим и произвела такое сильное впечатление на рабочих, что вместо работы 1 мая в мастерских читалась прокламация, сопровождаемая комментариями лучших рабочих. Перепуганная этим администрация сразу сделала некоторые уступки, а своим заискивающим обращением вселила рабочим сознание своей силы и доверие к революционерам, производившим такой эффект.

Но не только администрация мастерских была перепугана — весь город ждал бунта с поджогами, убийствами и подобными ужасами. Нам известны случаи, когда некоторые из простых смертных обывателей и даже из лиц, чей герб состоит из метлы и собачьей головы, просили лиц, которых они подозревали в участии в агитации, защитить их присных от насилий рабочих в судный день — один из первых дней мая.

Влияние немногих прокламаций было так сильно, что рабочие решили выразить свое сочувствие заключенным и свой протест против произвола администрации. 11-го и 12 мая они устроили демонстрации у тюрьмы. Со второй взяты курсистка Марциновская и дантистка Ривкина.

существует, в этом не усомнится ни один добросовестный человек, сколько-нибудь знакомый с движением. А раз это так, то очевидно, что теперешние террористы являются настоящими экономистами наизнанку, впадая в столь же неумную, но противоположную крайность. В такое время, когда революционерам не хватает сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров — это значит тем самым не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию. Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу, — читаем мы в прокламации 3 апреля, — и даже (NB) тот новый, смелый дух, который повеял в последние 3 — 4 года, создал пока более под'ем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда на-голову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключает: «стреляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа!

Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», — говорят нам. Но мы знаем

из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит во всех дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка. Нам уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор Партии Соц.-Рев. Нам преподносят теорию крупной и мелкой работы: «У кого больше сил, больше возможности и решимости, тот пусть не успокаивается на мелкой (!) работе; пусть ищет и отдается крупному делу, — пропаганде террора в массах (!), подготовке сложных... (теория неуловимости уже забыта!)... террористических предприятий». Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве — это крупная работа. А готовить, на пр., массу к вооруженной демонстрации — мелкая. Вот «Рев. Россия» в № 8 как раз поясняет это, заявляя, что о вооруженных демонстрациях «легко писать и говорить, как о деле неопределенно далекого будущего», «но все эти разговоры имели до сих пор лишь теоретический характер». Как хорошо знаком нам этот язык людей, свободных от стес-

В средних числах мая появились прокламации к крестьянам о полтавских и харьковских беспорядках. Эти беспорядки вызывают живейший интерес среди крестьян и рабочих даже такой отсталой губернии, как Смоленская.

Как зубатовские рабочие ораторствуют с «бумагами» от Охранного Отделения и как от этого фабрикантские жены разрешаются от бремени, «не доносивши».

Господину фабричному инспектору X
С фабрики X

Донесение.

«Смею донести Вашему Высокоблагородию, что 1 марта сего года в 11 ч. у. ко мне во время моего отсутствия без всякого предупреждения явились в товарное отделение моей фабрики две личности. Первый назвался Красивский и, вынув из кармана бумагу, заявил, что он, Красивский, прислан из Канцелярии Обер-Полицмейстера. Второй назвался фабричным председателем рабочих Жилкиным. В вышеозначенном товарном отделении в то время находилась заведующая фабрикой во время моего отсутствия моя жена и мастер Г... Конечно, моя жена и мастер крайне растерялись, т. к. в товарное отделение никто, исключая рабочих, не входит: „Что вам угодно“, — спросили их, а они ответили, что им нужно поговорить. Тогда их попросили в контору, в которой они стали выставлять свое величие, но им сказали, что величие ваше до нас не касается. Видят, что в конторе разговаривать с ними больше не желают. Тогда они попросили вызвать несколько рабочих, из которых явились М. и Р. При входе в контору Р. назвавший себя Красивским стал ему говорить речь, которая к конторе не относится. Р. дал знать, чтобы они зашли в фабричное отделение. Каковые немедленно, без всякого на то позволения со стороны конторы, пошли на фабрику. При входе в вышеозначенную фабрику приказали оставить работу, остановились посреди фабрики и начали говорить пространные речи. Жена моя, бывшая в конторе, видя их дерзость, самоволье и хозяйничество в чужих помещениях, крайне расстроилась, т. к. еле таскалась на ногах по случаю беременности в последнем периоде, ушла в дом и слегла в постель, а в 4 ч. утра на 2 марта

разрешилась от бремени, не донося несколько дней, в страшных мучениях и страданиях. По моему: разрешение от беременности, не доносивши несколько дней, было сопровождено по случаю самоволья вышеозначенных Красивского и Жилкина. В виду всего вышеизложенного я, как хозяин фабрики и помещения, прошу Ваше Высокобл. донести об этом поступке куда следует по закону и меня впредь избавить от таких председателей и ораторов, которые не разбирая времени, места, а врываются во двор и направляются в первое попавшее им на глаза помещение».

X.

(С подлинным верно. Ред.)

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Воронежа. Аграрные волнения принимают в юго-восточной полосе России эпидемический характер. В марте месяце этого года солдаты выезжали на работу в одно имение около станции Графской, где им пришлось улаживать розгами гражданский спор крестьян с помещиком. Вспыпали по 20 розог. Никакого сопротивления со стороны крестьян не было оказано. Теперь христолоубное воинство стоит постоем в имении Станкевича (Воронежск. уезда), где крестьяне обратили в свое пользование помещичий луг. Неподалеку отсюда в соседней Тамбовской губ. в деревне Андреевке Усманского уезда крестьяне поделили между собой землю окрестных помещиков и уже засеяли яровое поле. Они собирались поделить пар, но 5 мая к ним совершил путешествие тамбовский губернатор Ржевский в сопровождении свиты полицейских и земских начальников для увещания и вразумления. Принадлежность земли той или другой стороне оказалась спорной, но, пока суд да дело, Ржевский принял меры к тому, чтобы 5 человек зачинщиков были высланы в места отдаленные. Остальные, вероятно, будут преданы суду. Помещики озлоблены. Крики: драть, драть! — так и висят в дворянских гнездах. Однако, серьезного значения «бунтам» никто не придает в виду темноты и бессознательности массы. Крестьяне многим интересуются и многое слушают из того, за что раньше стащили бы в волость, но было бы опасно делать отсюда слишком поспешные выводы. Крестьянство, несомнен-

нительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений! Непосредственную осязательность и сенсационность результатов они смешивают с практичностью. Требование неуклонно стоять на классовой точке зрения и блюсти массовый характер движения является для них «неопределенным» «теоретизированием». Определенностью в их глазах является рабское следование за каждым поворотом настроения и... и неизбежная в силу этого беспомощность при каждом повороте. Начинаются демонстрации — и от таких людей льются кровавые фразы, толки о начале конца. Остановка демонстраций — опускаются руки, и, не успев износить сапог, мы еще кричим: «народ, увы, еще не скоро». Новая гнусность царских насильников — и мы требуем, чтобы нам указали такое «определенное» средство, которое бы служило исчерпывающим ответом именно на это насилие, такое средство, которое бы давало немедленное «перебрасывание силы», и мы гордо обещаем это перебрасывание! Такие люди не понимают того, что одно уже это обещание «перебрасывания» силы является политическим авантюризмом и что их авантюризм зависит от их беспринципности.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы

должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она на деле руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту («Искра» № 2), не берясь предсказывать формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуловимости. Когда uproчились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечили бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно-далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущее, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению

но, готовится стать одной из революционных сил, но, чтобы оно вполне стало таковой, надо поработать над просвещением массы и внесением сознательности в ее борьбу.

Суд над воронежскими крестьянами.

В № 21 «Искры» было упомянуто о том, что высеченные крестьяне села Курлак, Воронежск. губ., преданы в руки судебной власти. Вот некоторые подробности этого судебного дела, о котором отчет напечатан в «Праве» (в очень искаженном виде).

12 человек крестьян обвиняли по статье 273 Улож. о наказаниях, предусматривающей преднамеренное неповиновение властям. Не говоря уже о том, что по разъяснению Сената* (в 70-х годах) лицо, однажды подвергнутое хотя бы административному наказанию, не может быть вторично привлечено к ответственности за то же преступление, — не говоря уже об этом, в самом поступке крестьян не было состава преступления. На этом настаивал защитник. В ответ на это товарищ прокурора, простирая руки к судьям, горячо возражал: «Какие могут быть тут разговоры о составе преступления, когда вам известно, гг. судьи, что губернатору то и дело приходится посылать солдат». — В результате судоустройства несколько крестьян приговорены к 5 месяцам тюрьмы, остальные — на меньшие сроки.

Документ о крестьянском движении.

М. В. Д.
Саратовский Губернатор.
11-го Июня 1902 г.
г. Саратов.

Секретно.
Циркулярно.

В виду происходивших в последнее время в некоторых южных и юго-восточных губ. крестьянских беспорядков, сопровождавшихся нередко вооруженным нападением на экономии и усадьбы землевладельцев, считаю нужным напомнить, что в циркулярных предложениях на имя земских начальников от 11-го августа 98 г. за № 32 были пре-

* Ссылаться на это разъяснение защитник не мог, так как председатель ему не позволил.

того, что уже осуждено прошлым. Мы будем всегда разоблачать людей, у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу». — Так заканчивается прокламация 3 апр. Такие фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся, — мы видим это, что мы оказываемся, — в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны, пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой сто-

поданы указания по вопросу о принятии мер к предотвращению и подавлению всяких насильственных действий со стороны сельского населения и привлечения виновных в самоуправстве и насилии к законной ответственности. В последнее время в Полтавск. губ. произошли серьезные нарушения крестьянским населением общественного порядка и спокойствия, которые вследствие недостаточно быстрых и решительных мер к их подавлению успели распространиться и на смежный уезд Харьк. губ. В виду сего и принимая во внимание, что подобные крестьянские беспорядки, угрожая правильному течению жизни сельского населения, ни в каком случае терпимы быть не могут, я признаю необходимым вновь обратить внимание на необходимость неотступного исполнения изложенных в вышеуказанном циркуляре указаний. Вместе с тем, предлагаю земским начальникам иметь наблюдение за настроением местного крестьянского населения и принимать самые энергичные меры к возможно быстрому прекращению возникающих волнений. При этом надлежит с особенным вниманием относиться ко всяким нежелательным проявлениям в общественной жизни местного крестьянского населения и в случае замечаемого учащения этих проявлений принимать меры к немедленному обследованию обстоятельств, вызывающих таковые явления, и тем устранять возможность их повторения и развития на почве волнений и беспорядков. На-ряду с сим я нелишним считаю сообщить для сведения и сообщений, что в последнее время в М. В. Д. получены указания на стремление злонамеренных лиц организовать кружковую пропаганду среди крестьянского населения. С этой целью в кружок выбираются ими наиболее развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которым и сообщаются различные научные сведения, преимущественно по истории, социологии и рабочему движению, при чем главным средством ознакомления членов кружков с указанными сведениями является широкое распространение среди крестьян как тенденциозных, так и нелегальных изданий. Не касаясь того вреда, который имеет для народа проникновение в его среду изданий подпольной прессы, надлежит иметь в виду, что раздача сельскому населению книг, даже вполне легальных, дает возможность неблагонадежным лицам вступать в частые и тесные сношения с народом, создает между ними оживленный обмен мнений и сближает их с крестьянами. Определяя путем такого общения развитие крестьян данного села, их отношение к различным сторонам

роны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность идти в ряды и шеренге, работать рука об руку с массой.

Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело — не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоро преходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов, и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовой героизм русского пролетариата!

В следующей статье мы рассмотрим аграрную программу социалистов-революционеров.

[Н. Ленин]

общественной жизни, упомянутые лица выбирают из среды крестьян наиболее даровитых и склонных к усвоению революционных начал, ведут с ними особые занятия и подготавливают из них вожakov крестьянского движения. Кроме того, общедоступная народная литература, в подборе тенденциозных изданий, создает искусственно политическое брожение в деревне, так как изображает различные темные стороны крестьянской жизни, бедствия и нищету народа и тем усиливает в крестьянстве элементы недовольства.

Затем усматривается, что неблагонадежные лица заводят связи с деревней в большинстве случаев через учащуюся молодежь духовных и учительских семинарий, фельдшерских училищ, учеников училищ садоводства и др. ... Кроме того, преступные агитаторы для развития пропаганды пользуются крестьянами тех сел, где вредная их деятельность уже окрепла, при чем для этой цели крестьяне рассылаются в виде батраков, книгоношей торговцев и т. п. в те местности, где предполагается посеять противоправительственные идеи. Давая знать об изложенном, считаю нужным добавить, что при всех случаях проявления беспорядков в известной местности особенно строгое внимание будет обращено на ответственность должностных лиц, на обязанности коих лежала ближайшая забота о предупреждении беспорядков.

Подписал губернатор Энгельгардт.

Скрепил управляющий канцелярией Кноль.

Подобный же циркуляр, как нам сообщают, издан и по Курской губ. Обращаем внимание читателя на остроумные соображения Энгельгардта о том, как «вредно» для крестьян узнать что-либо о «нищете и бедствиях народа». Надо думать, что без «тенденциозных» книжек народ никогда бы не узнал, что он голодает и бедствует!

В селе Хованщине, Сердобского уезда, Саратовской губ., вспыхнуло народное волнение. Здесь находится поместье дворян Беклемишевых; за последнее время у крестьян установилось убеждение, что земля Беклемишевых принадлежит им, что таковое решение какой-то Московской Палаты. Документы, которые, по мнению крестьян, удостоверяли их право на землю, находились у одного всеми уважаемого крестьянина и хранились у него в особом ларце. Услышав о притязаниях крестьян, полиция решила так или иначе познакомиться с содержанием этих документов. Она поручила старшине и сотскому произвести обыск в избе этого крестьянина, якобы по поводу случившейся кражи. Во время обыска они увидели, что перед избой собирается громадная толпа. Старшина вскочил на дождавшихся его ямских лошадей, ударил кнутом и ускорил вместе с ларцем. Гнев крестьян обрушился на оставшегося сотского. Его избили до полусмерти, так что жизнь его находится в большой опасности. Досталось также и старосте, которого тоже побили и засадили в кутузку. Вскоре после происшествия был произведен допрос следователем и товарищем прокурора; встречены они были спокойно, без всякой враждебности, им подробно рассказали ход событий. Затем туда прибыли астраханские казаки и губернатор. Крестьяне объявили, что никаких зачинщиков между ними нет, что пусть судят их всех. Крестьяне будто бы говорят: «Пускай порют, поролы нас и перед волей».

Из Харьковской губ. Еще о подвигах кн. Оболенского.

(Доставлено Харьк. Ком. Росс. С.-Д. Р. П.).

События, происшедшие в наших местах, заслуживают самого глубокого внимания. Они указывают на то, какая масса горючего материала лежит в наших деревнях, материала, который ждет искры, чтобы возгореться в пламя. Но вместе с тем, они показывают и обратную сторону медали — недостаточность понимания или даже полнейшую бессознательность. В имении Харитоненко — Алексеевке — произошло следующее. В двух верстах от этого имения есть небольшая деревушка Покровское. Она со всех сторон окружена помещичьими землями. Своей землей кре-

стьяне этой деревни не имеют ни клочка. Даже выгона нет, на котором могли бы пастись их куры и гуси. Живут они заработками в ближайших экономиях. Бедность ужасная. И вот 2 апреля утром часов в пять, когда заведующие экономиями распределяют рабочих и дают им работу, к Алексеевской экономии явились крестьяне Покровского — душ около 500. Мужчины пешие, а жены и дети на подводах. На возах лежали пустые мешки, кадки, топоры, вилы. На вопрос одного из служащих: «что вам угодно?», крестьяне ответили нежеланием говорить с ними. Тогда является к ним главный управляющий, и на его вопрос они ответили, что теперь, дескать, в России все бедные крестьяне, не имеющие хлеба для пропитания, забирают, по приказанию царя, у богачей все, что они имеют, и делят поровну между собой. «Поэтому мы просим отдать нам мирно ключи от амбаров, или в противном случае мы все заберем силой». Когда управляющий пригрозил крестьянам войсками, они ответили: «Да, действительно, царь посылает теперь войска на заводы и в имения, но не для того, чтобы защищать их, а чтобы во время самого дележа не произошло ссор и беспорядков между самими крестьянами». «В таком случае обождите, — говорит управляющий, — прибытия войск (казаки, извещенные по телефону, в это время мчались в имение из ближайшей жел.-дор. станции) и тогда можете делать, что вам угодно». Крестьяне согласились. Не успели окончиться эти переговоры, как на горе показались казаки. Некоторые из крестьян бросились казакам навстречу, приветствуя их появлением восторженными криками. Другие же бросились в амбары, конюшни и начали брать себе волов, коров и лошадей... и вообще все, что попадалось им под руку. Казаки, встретив идущих с криками им навстречу крестьян, разумеется, бросились на них и начали бить нагайками. Происходит замешательство между крестьянами. Крестьяне начинают разбегаться в разные стороны, но казаки успевают окружить их и загоняют во двор. Тут является и сам Оболенский, харьк. губернатор. «Шапки долой, на колени!» Губернатор говорит им тогда о «незаконности» и пр. «Вы бунтовщики, вы враги царя и отечества, а для врагов России у нас имеются пули, штыки и нагайки. Для вас нагайки!» И крестьяне с обнаженными головами, стоя на коленях, безмолвно выслушали продолжительную речь губернатора. Никто из толпы не проронил ни одного слова, ни одного звука. «В нагайки!» раздается команда, и начинается порка крестьян. Замечательно то, что во все время экзекуции крестьяне стояли на коленях и ни один не осмелился сделать попытки к побегу. Били немилосердно, и притом нагайкой у казаков снаружи обтянуты проволокой, а на конце кусок свинца. Били, пока губернатор не приказал прекратить. Затем, сказав соответствующее слово назидания, губернатор приказал женщинам и детям уйти домой, а мужчинам остаться. По указанию экономической администрации, из этой толпы были выбраны наиболее зажиточные крестьяне и старики. Губернатор приказал им снять верхнее платье и остаться в одном белье. Снова начали пороть нагайками. Затем, когда губернатор удовлетворился видом крови, всем мужчинам приказано было снова встать на колени и ожидать, а если кто попытается бежать, в того будут стрелять. Сам Оболенский отправился затем в квартиру главного управляющего пить чай и завтракать. Экзекуция продолжалась с 6 час. до 8 час. утра. Занятый своими административными делами и прекрасным обедом (вероятно, с шампанским), губернатор пробыл в доме управляющего до 3 час. пополудни. Крестьяне, охраняемые казаками, стояли все время на коленях с обнаженными головами во дворе. Наконец, выходит к ним губернатор. Из крестьян выбираются по указанию администрации зачинщики, и губернатор снова в третий раз приказывает их пороть, но на этот раз розгами, обмокнутыми в кипяток с солью. По окончании этой третьей экзекуции все крестьяне были загнаны в пустые сараи, а там уже производились аресты и отправка в ближайшие тюрьмы.

По Житомирскому шоссе. (Корресп. из Киева.)

То напряженное внимание, с каким прислушивается вся Россия к пробуждению деревни, поддерживалась в последнее время в Киеве, не говоря об официальных сооб-

шениях разного рода, вестями о мелких крестьянских волнениях, происходивших на-днях в Киевском, Чигиринском, Липовецком, Винницком, Уманском, Каневском и других уездах, расположенных недалеко от Киева. Собственно говоря, мало-мальски серьезных волнений пока что не было, и волновались не столько крестьяне, сколько административные власти, которые видят в каждом мелком столкновении начало мятежа. Так, незначительные волнения крестьян в м. Мотыжине, которые не вылились даже в форму сопротивления властям (следовательно не нашел состава преступления), составляют предмет особенного беспокойства администрации. Дело это поручено следователю по особо важным делам, вопрос о высылке войск решался дважды на особых совещаниях у генерал-губернатора и губернатора. Перепуганная полтавскими событиями киевская администрация боится присылать по просьбе помещиков, графа Бобринского и Савицкого, войска, чтобы не раздражать крестьян; решено прибегнуть к войскам лишь в крайнем случае и сразу же при первой возможности пустить в ход оружие для устрашения. На совещаниях ген.-губернатор Драгомиров напоминал о том, что им уволен со службы полковой командир, приказавший в Полтавской губ. стрелять в первый раз холостыми зарядами, и при этом заявил, что шутить с войсками он не позволит. От высылки войск уклоняется даже известный поклонник розги, исполняющий теперь обязанности губернатора, вице-губернатор барон Штакельберг, не постеснявшийся зверски перепороть в прошлом году крестьян одного из сел Липовецкого уезда, приводя в исполнение решение Судебной Палаты, которое было отменено Сенатом через несколько недель после экзекуции. Возбужденное в Сенате дело о предании Штакельберга суду за превышение власти на-днях закончилось ничем.

«Беспорядки» в перечисленных уездах принимают в некоторых случаях форму бойкота: крестьяне на тайном сходе решают не наниматься на работы к помещику их села, прогоняют и избивают нанявшихся к нему рабочих. В некоторых селах были распространены прокламации и нелегальная литература, что произвело большой переполох среди наших аграриев и администрации. Так, например, В. А. Плесский, помещик с. Баландино, Чигиринского уезда, и в то же время управляющий имением Давыдовых того же уезда (историческая Каменка), был настолько встревожен появлением прокламации, что счел необходимым самолично привезти несколько экземпляров их киевскому губернатору. Что касается ближайших к Киеву сел, расположенных по Житомирскому шоссе, то в них некоторое брожение было вызвано также прокламациями, распространенными среди крестьян и расклеенными по телеграфным столбам вдоль шоссе. В виду появления прокламаций, полиция за благо рассудила взять под подозрение велосипедистов, раз'езжающих по шоссе... Некоторые из них были даже арестованы, но вскоре были освобождены. Так, один офицер был арестован в с. Шпитки, куда он приезжал иногда из Киева на велосипеде. Трое велосипедистов были арестованы по указанию попа в с. Копылово, куда они свернули с шоссе, чтобы напиться молока. Вообще, в Киеве много разговоров о разных случаях такого рода и о мерах, предпринимаемых администрацией для пресечения этого своеобразного хождения в народ. Не мало курьезов вызвало также распоряжение одного из благочинных Киевского уезда о задержании всех незнакомых лиц, приходящих в село и рассказывающих небылицы: около Макарова, например, толпа крестьян задержала секретаря Киевской мещанской управы и даже слегка поколотила его, объяснив священнику, явившемуся на выручку злополучного путешественника, свой поступок тем, что, мол, благочинный приказывал бить всех незнакомых людей, приходящих в деревню. Более интересные события произошли в м. Мотыжине. Здесь толпа крестьян воспротивилась производству межевания и избила рабочих помещика, помогавших, вопреки постановлению тайного схода, землемеру при межевании. Прогоняя землемера, крестьяне заявили, что давно уже пора расправиться с мотыжинским помещиком так, как это сделали крестьяне в Полтавщине.

Как передают, увещания не оказали никакого влияния на непокорных мотыжинцев. Речи мирового посредника они встретили ироническими восклицаниями: «Не верим мы

вам, — говорили они, — ведь известно, что пан пану, а чорт чорту брат!». На его совет идти законным путем и добиваться своего посредством суда они отвечали отказом, говоря, что не хотят судиться с помещиком, который больно счастлив в судах, и пояснили при этом, что «русский закон то же, что паутина: большая муха прорвется, а малая запутается». Кроме бойкота помещика, тайный сход крестьян, собирающийся ночью за местечком (по выстрелу одного из вожаков), постановил приговор, запрещающий кому-либо из односельчан ходить в церковь. Последнее постановление объясняется тем, что шаман-поп, которого не раз уже избивали бабы и мужики за сребролюбие и донжуанство, явно держащий руку помещика, объяснял крестьянам в церкви, в воскресной проповеди, греховность их насильственного образа действий и показал им для вящей убедительности известную комбинацию из трех пальцев. Смысл его проповеди был тот, что согласно святому писанию, — «божие воздастся богам, кесарево — кесарев», крестьяне же получают, во всяком случае, — лишь вот это... тут он сделал вышеуказанный проповеднический жест.

Еще перед этим общество послало своих уполномоченных к Драгомирову, чтобы просить его об отмене межевания. Драгомиров встретил уполномоченных грубой бранью и криками: «Прикажу перестрелять! бунтовщики! арестовать!» и т. д., так что крестьяне еле спаслись бегством, позабыв даже свои шапки.

В настоящее время дело находится в следующем положении: под влиянием сопротивления, оказанного крестьянами, помещик был принужден отказаться от межевания. Приблизительно человек 10 мотыжинцев административно высылаются губернатором на 1—2 года за пределы Киевской губ. Брожение это, — до сих пор еще слабое, — благодаря таким мерам, вне всякого сомнения лишь разовьется. Крестьянство, бессознательно протестующее против произвола администрации, беззаконности и бесправия, не может, понятно, быть умиротворено мерами, которые противоречат правовому чувству всякого здорового человека. Поэтому возникновение крупных беспорядков ожидается в настоящее время всеми и ни для кого уже не покажется удивительным. Условия, в которых приходится крестьянину жить, делают весьма затруднительным целесообразный и организованный протест, вроде повсеместного отказа от платежа податей и исполнения всяких, в том числе и воинской, повинностей, — но дух протеста в нем все-таки живет и непрерывно нарастает.

Из Черниговской губернии.

Разыгравшаяся недавно вблизи Новозыбкова драма, закончившаяся избием 19 крестьян, представляет из себя еще один печальный факт бесконтрольного издевательства полиции и в частности черниговского губернатора Андреевского. Беспорядки в деревнях вовсе не имели характера, сколько-нибудь опасного для помещиков, тем более, что появившиеся неожиданно войска привели крестьян в замешательство. Но губернатор поспешил не упустить удобного случая отличиться на службе усмирением «крестьянского бунта». Дело было так: крестьяне деревень Усчернье и Теремошка (имение Листовского, Суражского уезда) давно уже враждуют с помещиком из-за границ. Земля не размежевана с 1861 года. Но особенно резкий характер эти споры приняли в последнее время, когда крестьяне стали сильнее дорожить землей. В прошлом году Листовскому уже пришлось прибегнуть к полиции для водворения порядка в Усчернье. Тогда же он обещал им прислать землемера, но не исполнил своего обещания, и крестьяне в нынешнем году заняли спорный кусок земли. Теремошкинские крестьяне также решили занять 40 десятин сенокоса, которые они считали своими и которые помещик хотел отдать в аренду другим крестьянам деревни Гастенки. Они на сельском сходе решили так: «Нужно заявить гастенцам, чтобы они не платили помещику аренды — этого сенокоса мы не уступим никому». Гастенцы, прочитав заявление и решив, что теремошкинские крестьяне хотят учинить бунт, представили это заявление Листовскому. К крестьянам названных двух деревень присоединились крестьяне Синего-Колодезя (имение черниговского предводителя дворянства Муханова). Из старинной церковной записи они узнали, что лет полтораста тому назад они считались воль-

ной казацкой общиной и владели всем обширным участком земли, который теперь представляет из себя прекрасное имение Муханова. Решили они жаловаться сначала на помещика царю, а если царь не уважит их просьбы, то подавать жалобу на царя (?). Для этой цели они обратились за помощью к какому-то адвокату, Серее, который оказался большим негодяем и только вымогал у них деньги Синь-колодезцы посылали даже ходяков своих в Петербург. Последние посылали своим односельчанам письма приблизительно такого содержания: «Вот, мол, мы скоро всего добьемся; познакомимся уже с 4-мя генералами, еще с одним генералом нужно познакомиться и тогда уже до самого царя дойдем». Наконец, они познакомились на половину с 5-м генералом, но, по их словам, Муханов все дело испортил, так как их посадили в кутузку, поддержали в ней, а потом велели ехать на родину. Но крестьяне далеко не оставили своей мысли. К тому же присоединились частые стычки с управляющим и обездолком. Таким образом, три деревни согласились поддерживать друг друга, не уступать помещикам, принимая в соображение, кроме всего сказанного, еще одно основание: «Наши батьки да деды служили панам; нехай же теперь паны нас кормят». Листовский (сын его земский начальник), услышав что происходит среди крестьян, телеграфирует губернатору: «Крестьяне забрали мою землю и гонят моих рабочих; прошу принять надлежащие меры для прекращения беспорядков». Губернатор, не долго думая, взял с собою отряд пехотинцев и пять сотен казаков и нагрянул в Усчёрные, т. е. это село больше Теремошки и там находится главное имение Листовского. Здесь дело обошлось мирным образом. Крестьяне, собравшись на сход, объявили, что они не думают бунтовать, а только требуют размежевания земель. Теремошкинские крестьяне оказали сопротивление властям следующим образом: губернатор, еще будучи в Усчёрные, послал в Теремошку распоряжение, чтобы мужики собрались на сход и ждали его. Поехав же, он застал в деревне одних баб да детей—все же мужское население разбежалось. Наконец, собравшиеся крестьяне устроили еще «бунт» в церкви: во время богослужения 8 крестьян подали губернатору прошение, в котором просили оставить за ними их землю. На вопрос губернатора — как они смеют бунтовать, — крестьяне этой деревни ответили: «Мы не хотим делать никаких беспорядков, но только укажите нам нашу землю. Вся земля неразмежевана, и помещик, где хочет, там и берет». Губернатор велел арестовать 8 человек, подававших прошение. Тогда поднялся шум и начали раздаваться голоса: «Бери же всех, коли наших взял! Сажай нас в тюрьму, а там студенты сидят; они научат нас, что делать!» Забрали еще 11 человек. Деревня была оцеплена солдатами. Экзекуция, однако, началась не сейчас, а губернатор поехал сначала в Синий-Колодезь. Собрались крестьяне и здесь в церковь, а потом на сход выбрали уполномоченных говорить с губернатором. Ни на чем не сошлись, и губернатор велел сходу разойтись, но сход не расходился. В виду такого ослушания губернатор забирал с собой уполномоченных и отправлялся с ними в Теремошку, где делает их свидетелями экзекуции, произведенной над теремошкинскими крестьянами. После этого «бунт» был усмирён, и даже синь-колодезские крестьяне отказались от своей мысли тягаться с богатым Мухановым; они даже дали подписку в том, что не будут иметь больше никаких притязаний на эту землю.

При экзекуции, кроме губернатора и остальной полиции, присутствовали врачи — Бурков (уездный врач) и Козинцов (городск. врач). Последний, впрочем, хвастается своим либерализмом — он не разрешил давать более 40 ударов.

Давали же 6-ти человекам по 75 ударов, а остальным от 35 до 45.

ВЕСТИ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

(Сообщено Ростовской Группой «Искры».)

В Медвеженском уезде, Ставропольской губ., крестьяне стали проявлять недовольство. В Белой Глине, большом 20-тысячном торговом селе, крестьяне начали требовать прирезок земли и новой планировки, то же самое было и

в Новоселищах. Когда земский начальник Жуков начал их усмирять домашними средствами, крестьяне вытолкали его в шею со схода и заявили, что их дело правое. Губернатор Никифорова поехал самолетом в эти села и беседовал с крестьянами, угрожая им нагайками и казаками. В с. Терновке также идут слухи о «новых правах». Губернатор едет туда, удаляет волостного писаря и высылает из пределов губернии одного крестьянина, заподозренного полицией в распространении тревожных слухов. Жандармы и местная уездная полицейская администрация разъезжают по селам и хуторам всей губернии и ищут «крамолы», допрашивают крестьян, спавая их водкой. Все эти допросы, конечно, окончились ничем, а в соседней Кубанской области и Сальском округе Астраханской губ., между тем, шли уже настоящие беспорядки, где крестьян били и уродовали за то, что они отказывались работать в экономиях по низкой цене. В 5-ти экономиях Кубанской области недовольство крестьян низкой ценой обрушилось на земледельческие машины, которые были изломаны. Также были избиты и некоторые владельцы экономий. В одной экономии возле станции Кавказской Влад. ж. д., а также возле ст. Тифлиской крестьяне и местные казаки поломанные машины бросали в реку Кубань. Крестьян усмиряли нещадно казаки местного станичного правления. На ст. Розовой также были в конце мая беспорядки на аграрной почве, но здесь крестьяне, когда их усмиряли казацкими нагайками, заявляли: «Нам нужны порядки такие, о каких пишут в книжках». Встрешенное начальство станицы также пыталось искать «корней и нитей», но тщетно. На подмогу станичному начальству прискакали жандармы из Владикавказа, но они ничего не нашли.

В селении Армавир после побоища армян в конце апреля, устроенного пьяной толпой, появились в большом количестве прокламации, уясняющие истинный смысл происходившего и указывавшие, что не армяне, как нация, виноваты, а виновато правительство, гнетущее весь народ, и что нужно организоваться и бороться против всего социального строя и против опричнины. Выяснялось и значение рабочего майского праздника. Прокламации были писаны и гектографированы без подписи, и распространялись они посредством рогаток. Привязаны они были к камням и таким образом бросались в окна домов всех обывателей, которые были страшно встревожены необыкновенным явлением. О прокламациях знали и стар и млад. Школьники, напр., заявляли своим учителям 1 мая, чтобы они их отпустили, так как у них «сегодня праздник». Прокламации произвели сильное впечатление. С. Армавир — один из населеннейших и торговых пунктов Кубанской области, жителей в нем около 20 тысяч. Поиски за «крамолу» не привели ни к каким результатам, хотя и хватали отдельных мешан. Обыскивали также многих.

С Кубани. Полтавско-харьковское брожение перекинулось и к нам на Кубань. Здесь оно приняло не особенно рациональные формы. Действующими лицами и здесь явились те же харьковцы, затем тамбовцы, пензенцы, курыне и т. п. косари, которые в необыкновенно большом количестве плывут из центральных губерний на плодородную и богатую Кубань. Раньше они находили еще себе кое-какой заработок в обширных хлебных «экономиях» местных землевладельцев—Мордовцева, Петрова, Игнатьева и друг. Но наш век пара и электричества произвел переворот. Чикагская фирма Мак-Клей за последние годы, говорят, миллионов на 10 поставила сельскохозяйственных машин на рынок Северного Кавказа. В этом году образовался особый избыток косарей. Вместо прежних 3 руб., им стали платить теперь 70—80 коп. Естественно, что это косарям пришлось не по нраву, и они прибегли к помощи дубины, разбивали машины, били землевладельцев. В некоторых местах машины были свалены в Кубань и унесены течением в Черноморье. Движение охватило целый район станиц в 20. Рабочих, принимающих участие в нем, насчитывают по всему району до 10.000. Местами действия преимущественно являются станицы, лежащие по линии железнодорожной — от Тихорецкой до Екатеринодара и Майкопа. Движение носит чисто стихийный характер: недовольства накопилось масса, а где корень зла — неясно.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. Положение рабочих на Невской пригородной конно-железной дороге. (Из материалов «Рабочей Мысли».)

Очень худо живется у нас машинистам, так как штрафы ставят огромные и совсем ни за что: так, например, сойдет с рельсов вагон, оцарапает паровоз, собьют ли извозчика где, ему штраф рублей 15 или 30. Были такие случаи, что, кроме штрафа, поставленного правлением, приходится платить по приговору мирового (по протоколу полиции), так что с одного вола дерут две шкуры. Не лучше живется и кочегарам, которых заставляли выполнять чужие работы, работать за молотобойца, печника и т. п. Проездив смену, кочегар ложится спать или собирается гулять, как вдруг прибегает сторож и говорит, что мастер зовет; кочегар идет к мастеру, и тот посылает его куда-нибудь по своему делу: в город съездить, либо огород копать, или кур кормить, или пойти на рынок с женой мастера и оттуда принести покупки, — и все это в то время, когда кочегар должен быть свободен. Живут кочегары в казарме. Там очень тесно, грязно и сыро.

Кондуктора должны подниматься в половине шестого утра, идти в контору за билетами и во двор смотреть наряд: на какой вагон и с каким выпуском ехать. Выходят поезда в 7 часов, идут через каждые четверть часа, и вот кондуктора с половины шестого до 12-ти и 1 часу ночи находятся на линии без горячей пищи, да и холодную некогда есть, так как вагон только на Карточной фабрике стоит 10 или 15 минут. Штрафы тоже очень часты. Кондуктора по правилам должны быть свободны через 2 дня в третий, но на деле ездить приходится 4—5 дней подряд, а потом день свободен. За этот каторжный труд они получают 30—35—40 руб. в месяц.

В механической мастерской и в кузнице приходится работать в страшном дыму; вентиляции никакой нет. Лестницы, которые ставят для смазки приводов, не имеют верхних крючков и нижних шпилек, как следует по правилу. За увечья у нас не платят; больницы нет, хотя работает около 300 человек. Работаем с 6 часов утра до 7 часов вечера с тремя перерывами (2 раза по полчаса и раз полтора часа).

В малярной мастерской работает 5 мальчиков, с которыми страшно грубо обращается мастер Нуждин, иногда бьет их прутьями, ремнем и т. д.

Главный мастер Петров прославился своим скотским обращением с рабочими, берет взятки с машинистов деньгами, кочегары же, уезжая в деревню, по возвращении привозят ему и телятины, и баранины, и поросят, и т. п.

Время проснуться уж, братья! Время требовать себе человеческих прав!

Рабочий.

Рязанская губ. Углекопы. (Из материал. «Раб. Мысли».)

Довольно яркую картину того, как живется нашему рабочему, можно найти в положении рабочих в горном промысле. Вот как, например, живут рабочие на Побединском руднике Рязанской губернии. Начну с благоустройства шахт. Спускаться в них (30—50—60 аршин) приходится без помощи машины, так как таковая предназначена только для подема угля и начальства. Лестницы — вертикальные, деревянные: сверху, с боков течет целыми ручьями грязь — смесь воды с углем. Неудивительно, если, сделав это путешествие, окажешься достаточно измоченным. Вода и в шахте, вода и в штольнях. По дну их прорыты канавы, местами до трех четвертей аршина, они всегда наполнены водой и никогда не прикрыты. В них часто приходится принимать холодную ванну. Так как шахты не «газовые», то работают с простыми лампочками, от которых идет страшный чад и дым, что еще более чувствительно, потому что вентиляция везде «естественная».

Часть рабочих живет в окрестных деревнях в своих разоренных избах (работа на руднике не только не улучшает жизни крестьян, а, напротив, вытягивает все жилы). Другая часть живет в казармах, при чем на 18 кв. аршин одноэтажного здания приходится до 100 человек жильцов. Является вопрос: где же, собственно, лучше этому рабочему — под землей или на земле? — Никаких развлечений, ни одного просветительного учреждения, кроме близлежащей «казенки». Нет даже близко школы — она стоит верстах в семи. В добавление ко всему этому заработная плата нищенская. Забойщики (аристократия рудничных рабочих) получают за 12-часовой рабочий день 80 коп. зимой и 1 рубль летом. Колебание платы обусловлено уходом части рабочих на лето домой. Этим же объясняется и изменение количества рабочих: летом их 800—900, а зимой до 1.500.

Немудрено, если при таких условиях человек даже с ничтожными потребностями, наконец, теряет терпение, протестует, хотя вспышками, без надежды на выигрыш. Такая вспышка была в декабре 1901 г. Рабочим выдали в день получки плату по уменьшенной расценке. Моментально вспыхнуло бурное негодование. Рабочие разбили лавку, снабжавшую их продуктами сомнительного качества, контору, попортили машины; работа стала. Был вызван исправник, человек до известной степени порядочный, и только благодаря ему, быть может, обошлось без крови. Через 3 дня работы возобновились. Результат вспышки — 12 человек арестованных во время грабежа лавки вечером, когда толпа уже успокоилась.

Одесса. Рабочее движение в Одессе с начала нынешнего года приняло яркий политический характер. Не говоря уже о листках Южн. Рев. Гр. Социал-Дем., и в листках Комитета выдвигаются на первый план политические требования. Оживленная деятельность революционной жизни вызвала соответствующие репрессии со стороны администрации. 8 февраля были повальные аресты и обыски (арестовали более 300 чел.). О. К. и Ю. Р. Г. С. назначили демонстрацию на 19 февраля. Однако, вследствие непредвиденных обстоятельств, демонстрация была отложена на 23 февраля. Демонстрация произошла на Екатерининской площади, где рабочими были выкинута 2 красных знамени. Произошло избивание публики полицией, за которым последовало избивание арестованных в участках.

В участках были избиты лица, даже непричастные к демонстрации. Била полиция, били и уголовные, которым предлагали за каждого избитого по 40 коп. После 23-го продолжались все новые и новые аресты; тюрьмы и участки переполнены. Особенно плохо жилось арестованным в участках: теснота, грязь, вонь и в придачу грубое обращение и даже побои, — вот что ждало их там. В тюрьме живется не лучше: так, в конце февраля жандармами избит был на прогулке рабочий Бродский. Политические протестовали, отказывались от дачи показаний и прогулок. В конце марта опять повторилось избивание, при чем начальник тюрьмы, от которого потребовано было составление протокола и привлечение виновных к ответственности, раскричался на жандарма: «Как ты смел бить без моего позволения» — очевидно, с его позволения бить можно. Многим рабочим выдавалась так называемая угольная пища: жидкий суп с кое-где плавающими крупинками; благодаря настоятельным требованиям политических, стали в последнее время выдавать всем улучшенную пищу, при чем требовали приплаты 90 к. в месяц.

Тотчас же после демонстрации 23 февраля Ком. и Ю. Р. Г. выпущены были листки, в которых описывались все события 23 февраля и сообщалось об избивании демонстрантов в участках. 1 мая распространены были майские листки «конференции». Несмотря на то, что Комитет отказался от уличной демонстрации на 1 мая, Ю. Р. Г. распространила воззвание с приглашением явиться 1 мая к 7 час. вечера на Бульвар. Огромная толпа народа загрозила аллею. 1 мая всюду слышались разговоры о предстоящей демонстрации. Администрация также приняла свои меры: во всех прилежащих домах спрятаны были дворники и ночные сторожа, готовые при первой тревоге броситься с дубинками в руках на беззащитную толпу. Около

8 ч. вечера начали раздаваться местами отдельные крики: «долой самодержавие!», но скучиться демонстрантам не удалось. Полиция свирепствовала, при малейшем подозрении, по указанию шпионов, хватала и тащила в участок, где опять повторилось февральское побоище. Арестовано было около 40 человек.

Комитетом выпущен был листок о крестьянских беспорядках в Харьковской и Полтавской губерниях: вскоре после этого возобновились аресты, арестовано человек 10. Появились, наконец, в Одессе зубатовские «независимые», человек 20. Недавно в столовой один из «независимых» начал доказывать, что рабочие должны бороться только за улучшение своего экономического положения, что правительство сочувствует экономической борьбе и поддерживает рабочих, что социал-демократы враги рабочих. Какой-то рабочий по наивности, очевидно, завел с ним спор и вместе с «независимым» был арестован в тот же день и продолжает сидеть до сих пор, тогда как «независимый» на другой же день был выпущен.

Новозыбков, Черниговск. губ. Разговоры о предстоящем майском празднике начались на здешней Волковской спичечной фабрике уже давно. В маленьком городке всевозможные толки о дне 1 мая вышли из пределов фабрики и распространились во всех слоях общества. Сами хозяева и фабричная администрация струсили не на шутку: когда, например, сторож обратился к управляющему Трошину с просьбой выдать дров для казармы, Трошин ответил: «Теперь нам не до дров; скоро настанет 1-й май — рабочие всю фабрику разнесут!»

С 26-го на 27 апреля рабочие разбросали в большом количестве майские прокламации. Тотчас же забегали жандармы и городовые, фабричный двор наводнился «блустителями порядка». Рабочих вежливо уговаривали возвратить найденные листки, в противном случае грозили тюрьмой. Некоторые рабочие (из крестьян) побоялись и возвратили, другие выдавали товарищей, не желающих отдавать листки. Но все же много осталось прокламаций и среди рабочих; читались также стихотворения: «Майский праздник» и «Восемь часов». Начались допросы; рабочих таскали по несколько раз каждого. Полиция вела себя как нельзя лучше: очень шумела и заинтересовала и без того относящееся с участием к местному рабочему движению общество. Несмотря на усиленный надзор, на допросы и всю тревогу, которую подняла полиция на фабрике и в городе, 30 апреля во время работ еще больше было разбросано прокламаций «Ко всем рабочим России», а также поздравлений с майским праздником. Листки быстро хватались и прятались. Рабочие говорят, что Трошин почерк от злости. Полиция была взбешена; насколько могла, она усилила движение и этим очень смешала всех в городе.

В городе приказчики тоже разбросали по магазинам майские прокламации. Еврейские ремесленники, так как на них очень много подозрений, и вся вина всегда падает на их голову, на этот раз осторожно передавали прокламации друг другу. Но все же на разных постройках, среди железнодорожных рабочих, повсюду в городе появились майские листки — это волковские рабочие поделились своим изытком — сами разбрасывали.

В день 1 мая город имел праздничный вид: великолепный день; на улицах движение; нарядные городовые и жандармы группами расхаживают по улицам; городовые — с нагайками; конная полиция тоже с нагайками. У прохожих отбирают палки. О том, как общество ожидало этого дня, можно судить по следующему факту: директор реального училища созвал старших учеников (сельскохозяйственников) и сказал им речь, в которой выяснил, чего требуют рабочие: он отнесся сочувственно (сердечное попечение!) к рабочему вопросу, но выразил мнение, что добиваться своих прав рабочие должны легальным путем. Затем сказал, что сегодня рабочие хотят учинить беспорядки и предупреждал своих учеников, чтобы они не ходили группами и особенно не заглядывали в городской лес.

Целый день ожидали от «демократов» каких-то необыкновенных действий. Полиция очень взбесилась, когда узнала, что городские рабочие (ремесленники) не пошли на работу. Весь день был проведен ею в бесполезных по-

исках по полям; об'ездили все леса и к вечеру, измученные и обозленные, ни в чем не успевшие «блустители порядка», выведенные из терпения «демократами», стали производить аресты и обыски. Между тем, на улицах (особенно на Мильонной и Чугуновской) было много публики, все еще ожидавшей демонстрации; молодежь даже слегка пела революционные песни; слышались упреки рабочим, не устроившим демонстрации. Аресты происходили на глазах у публики. Все время полиция стерегла волковских рабочих; группами нельзя было уходить с фабрики.

Хотя майской забастовки не было, но 1 мая подняло настроение как ремесленных, так и фабричных рабочих.

ИЗ ПАРТИИ

Неудачная ссылка на нашу историю.

(Письмо в редакцию.)

В передовой статье № 8 «Революция. Россия», озаглавленной «Крестьянское движение», автор, опровергая циркулирующие слухи, будто во время последних крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губ. кем-то распространялся «манифест» или «царская грамота», говорит, между прочим, следующее:

«Когда еще в 70-х годах Стефановичем и Дейчем была произведена печальная попытка взволновать чигиринских крестьян подложной „золотой грамотой“, то она была встречена всеобщим и резким осуждением всего революционного мира. Это заставило самих авторов попытки признать свою ошибку и горько раскаться в сделанном ложном шаге» («Рев. Росс.», стр. 2).

К сожалению, автор статьи не указывает, откуда он почерпнул свои сведения об отношении «всего революционного мира» к чигиринской попытке, а также и о впечатлении, которое на меня и Стефановича произвело «всеобщее и резкое осуждение» этого дела. Я же нахожу эти утверждения автора несоответствующими истине, что и постараюсь доказать.

Если бы наша попытка, как он заявляет, действительно «встречена была всеобщим и резким осуждением всего революционного мира», то, несомненно, такое отношение должно было бы, между прочим, отразиться в революционной печати того времени. В годы, последовавшие за чигиринской попыткой, кроме разных летучих листов и нескольких брошюр, как известно, выходили газеты: «Община», «Земля и Воля», «Народная Воля» и «Черный Передел». Но ни в одном из этих изданий не было ничего похожего на «резкое осуждение» чигиринского дела, а в «Черном Переделе» в №№ 1 и 2 за подписью Стефановича помещен был даже его рассказ об этой попытке. Устно в указанное время тоже решительно ни от кого из действовавших в то время революционеров ни мне, да и никому из моих товарищей, не приходилось слышать не только «резкое», но какое бы то ни было «осуждение» этой попытки. Единственным противником примененного в Чигир. уезде приема являлся в эмиграции Драгоманов на собраниях, происходивших в Женеве зимою 1878—9 гг. Но тогда же против него и в защиту чигир. дела выступило несколько человек, в том числе и П. Крапоткин. Каково было отношение действовавших в России революционеров к этой попытке, отчасти может, мне кажется, показать свидетельство Степняка, который говорит, что «одно время Стефанович был едва ли не самым популярным человеком в партии» («Подп. Росс.», стр. 30, изд. Ф. в. р. пр.). Если бы наша попытка «встречена была всеобщим резким осуждением всего революционного мира», как утверждает автор статьи, то каким образом главный инициатор ее мог быть «едва ли не самым популярным человеком в партии», по свидетельству столь компетентного человека, как Степняк? У последнего же мы находим и верное объяснение популярности Стефановича: «Это была, — говорит Степняк, — первая и пока единственная попытка создать народную организацию на почве не общих теорий, а местных стремлений, какими были в Чигиринском уезде борьба общинников против индивидуалистов-душевников» (там же).

Столь же неверно утверждение автора статьи, будто «всеобщее и резкое осуждение» заставило нас «признать свою ошибку и горько раскаяться в сделанном ложном шаге». Положительно недоумеваю, откуда автор заимствовал свои сведения? Стефанович и я не только печатно, но и устно никогда и нигде не «признавали своей ошибки, а тем менее мы «раскаивались горько» в ней. Даже «в сердцах наших» он не мог этого прочесть, потому что, оставаясь «самобытными русскими социалистами», — каким отчасти является до сих пор еще автор цитированной статьи. — мы и не могли раскаиваться в этой попытке. Только став социал-демократом, я признаю теперь ошибочным прием, к которому мы прибегли в чигиринском деле, как и вообще отвергаю всякие мистификации в революционном деле; но даже и в настоящее время я не могу «горько раскаиваться» в чигиринской попытке, так как в то время мы иначе поступить не могли.

Из всего вышеизложенного, мне кажется, вполне очевидно, что указанные утверждения автора названной статьи — исключительно плод его воображения и, как таковой, они ничего общего не имеют с исторической истиной, в интересах которой я только и взялся за перо.

Л. Дейч.

Ответ Петербургского Комитета Партии на запрос батумских рабочих.

(Петербургский Комитет прислал нам для опубликования нижеследующий свой ответ на запрос, сделанный ему батумскими рабочими.)

Два или три месяца тому назад товарищи из Батума обратились к С. П. Б. Комитету с предложением обсудить и высказать в печати свое мнение по трем нижеуказанным вопросам. Исполняя предложение товарищей, С. П. Б. Комитет выражает свое сожаление по поводу запоздания ответа и питает надежду, что батумские товарищи поверят, что запоздание произошло по причинам, не зависящим от воли Комитета.

Вот эти вопросы: «отношение интеллигенции к рабочему движению», т. е. должна ли интеллигенция во время уличных демонстраций, районных, местных, заводских и фабричных беспорядков и прочих открытых протестов, как против эксплуатации капиталистов, так и против произвола правительства, идти впереди рабочих, как более сознательная и революционно настроенная часть населения, или же должна ограничиться мирной кружковой пропагандой, а воодушевление и руководство движением предоставить самим рабочим, 2) если по установившемуся общему мнению всех комитетов, групп и организаций всей России единственным главным средством протеста против существующего в России произвола есть демонстрация отчасти экономического, но, главное, политического направления, и в том и другом случае с требованиями, предъявляемыми непосредственно к правительству, то как должны вести себя демонстранты во время натиска полиции, т. е. должны ли они сопротивляться всеми зависящими от них мерами, или же должны при первом натиске разбегаться. Если они должны по силе возможности оказывать сопротивление, то как, каким образом и каким оружием: не должны ли они в открытой схватке пустить в дело оброненное огнестрельное оружие, ножи, кинжалы, или же довольствоваться камнями и палками. 3) Для большей последовательности, для большей целесообразности рабочего движения батумцы выражают желание учредить центральную всероссийскую организацию, с единым центральным руководящим комитетом во главе. Если же к созданию последней не представляется возможности, то хотя на время устройство более скорого и верного способа сообщения о всех намерениях и событиях различных городов России. Отвечая на первый из поставленных вопросов, С. П. Б. Комитет исходит из положения, совершенно отвергающего деление социал-демократов на интеллигенцию и рабочих, так как социал-демократия, как политическая партия, объединяет всех борцов за торжество идеи рабочего класса независимо от их классового или сословного происхождения. Наши учителя и основатели нашего «движения» интеллигенты Карл Маркс и Фридрих Энгельс были, конечно,

не менее истинными социал-демократами и вождями рабочих, чем рабочие Август Бебель и Игнатий Ауэр, а наши Степан Халтурин или Петр Алексеев — в полном смысле слова интеллигентами. Поэтому для П. Б. Комитета вопрос о том, кто, т. е. интеллигенция или рабочие, должны вести «мирную кружковую пропаганду», а кто — взять на себя «воодушевление и руководство движением», разрешается очень просто, а, вернее, вовсе отпадает. Как во всяком вообще движении, раз оно совершается сознательно и планомерно, роль руководителей и вдохновителей выпадает на долю наиболее сознательных, наиболее интеллигентных представителей движения, так и во главе нашего движения должны стоять, да фактически и стоят, наиболее сознательные, наиболее развитые его элементы, а происходят ли они из среды рабочих или из других классов и сословий, — это безразлично. Что касается 2 вопроса, т. е. вопроса о том, как должны реагировать демонстранты на нападение полиции, то П. Б. Комитет считает невозможным дать на этот вопрос категорический общий ответ до второго очередного съезда партии, когда будет приведено в известность настоящее положение дел в различных уголках России и когда Партия на основании этих данных получит возможность выработать общие формы боевой тактики. Но не рекомендуя и не осуждая вооруженного сопротивления на уличных демонстрациях, П. Б. Комитет полагает, что нападение вооруженной полиции на демонстрантов может быть не только сдерживаемо, но и парализуемо не только вооружением демонстрантов, но также их организованностью. Если каждой демонстрации будет предшествовать энергичная агитация, выясняющая цель предстоящей демонстрации, если на демонстрацию будет идти не полусознательная толпа, а люди, отчетливо сознающие всю серьезность предстоящей задачи, то навряд ли мысль — бежать при первом полицейском натиске — будет быстро овладевать демонстрантами, и полиция — так скоро очищать улицы, как это, к сожалению, происходит так часто в настоящее время. Убедительным подтверждением этого служат, с одной стороны, ежегодные майские демонстрации, устраиваемые нашими польскими и еврейскими товарищами, с другой, недавняя демонстрация в Гельсингфорсе, когда невооруженная, но хорошо организованная толпа обратила в бегство вооруженную казачью сотню. Наконец, по поводу 3 вопроса П. Б. Комитет считает долгом сообщить батумским товарищам, что нужда в объединении деятельности всех рабочих социал-демократических организаций является для него столь же насущной и не терпящей отлагательства, как и для батумских товарищей. В настоящее время П. Б. Комитет как раз занят выработкой условий и мер для возможно скорейшего осуществления указанного объединения, а также и для скорейшего созыва партийного съезда, на котором он надеется встретиться с представителями и батумских товарищей.

С. П. Б. Комитет Р. С.-Д. Р. П.

На днях вышел в свет № 4 «Зари».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Симферополь. В течение весны здесь взяты: Зборовская, мать 6 детей (вып. через 40 дн.), студ. Мионов, стат. Васильев, один столяр. По делу прошлогодней демонстрации сосланы в В. Сиб.: на 4 года статист. Громан (был в ссылке в Вятск. губ.) и на 3 г. рабочие: Волович, Каймерс, Эншель и Шухер (просидели по 1 г. 2 м. в тюрьме). Сверх того, двое раб. подвергнуты тюремн. закл. на 8 мес. (в Кресте) и 2 — на 4 мес. Были обыски у стат. Браудо, Коломийцева, Краснова и др.

Самара. В сред. июня арест. К. Бауэр (только что вернувшийся из Сибири) и К. Газенбум. Обыски у С. и Н. Кранихфельд.

Полтава. В здешн. тюрьму привезены г-жа Приходько и Савинов из Смоленска и госпожа Харик взята на границе в Александрове с литерат.

В местной тюрьме сидят 26 политических, в том числе крестьяне Тютюнник, Наконечный, Буцкий, Коркичка, Стороженко.

Харьков. В начале июля арестованы студ. Анненков и инж. Хотяев (выпущен). В июне взят Фомин, служащий в бюро горнопромышленников (уезжен в Москву). У его двух сослуживцев были обыски.

На границе в разное время взяты ехавшие в Россию Флегонтов (уезжен в Петроп. креп.) и Безруков.

Донская область.

Список лиц, содержащихся под стражей к 15 мая 1902 г.

Ростовская тюрьма: рабочие — Гушин, Терещенко, Скоробогатый, Кононов, Кравцов обвиняются в принадлежности к тайным сообществам и в присутствии на рабочей сходке под Новый год в Нахичевани. Лиман обвиняется в распространении прокламаций. Стукаев, Малицкий — в подстрекательстве к демонстрации 18 апреля. Васильченко — в участии в театральной демонстрации 30 марта, в держании революционных стихов и участии в тайных сообщениях. Самохин — в участии в демонстрации 18 апреля, Богданов — в том же и несении знамени. Мальцев отбывает приговор 4 месяца тюремного заключения. Интелл.: Н. Шпак — землемер, Е. Шпак — акуш.-фельдш. в предоставлении конспиративной квартиры и участии в тайных сообщениях. А. Самойлов — в пропаганде и подстрекательстве к демонстрации 19 февраля. Мих. Чайченко, учитель больн. чах., Пол. Чайченко участвовали и подстрекали к демонстрации 19 февраля и присутствовали на рабочей сходке под Новый год. Г. Коваленко — учитель, в участии в демонстрации 19 февраля. С. Итин — по харьковскому делу. Харченко — по 250 ст. Я. Житомирский, репортер «Приаз. Края», по приговору отбывает 2-месячное тюремное заключение.

Таганрогская тюрьма: Фумели студ., Рафаилов студ. — в печатании прокламаций, Девинк, ученик-лесник — в принадлежности к тайному сообществу. Рабочие: Давыдов, Солдатов и Жилин.

Новочеркасская тюрьма: М. Серебряков, бывш. студ. — в печатании прокламаций и принадлежности к тайным сообществам. Т. Шестопахов, агроном — приговор 3 года Вятской губ. С. Кулагин — рабочий. И. Ставский — рабочий. М. Венгеров, интелл. — приговор 3 года Восточной Сибири.

Рабочий Александр Иноземцев — провокатор-шантажист.

Петербург. С 2-го на 3 мая взяты Окуневич, д-р. Окнова, фельдшер Храмов, земск. уч. Лаврова, уч-ца Кузнецова, две Корзухины, Каранов. Сосланы в Сибирь: инж.-техн. Селибер, Андреев, Сорин, Петров, Тразов, Татаров (последний по делу «Раб. Знамени»), Арон Сольц (по делу Раб. Библ.) сослан на 4 г. в В. Сиб.

Севастополь. В местной тюрьме сидят 13 матросов и рабочих.

Москва. 4 апреля на вокзале Ярославск. жел. дор. взят врач Ф. Гурвич (нел.); в конце апреля взяты: статистик Хинчук (был в Якутск. об.), Лидия Канцель (нелег.), Наумова, фельдш.; Беззубов, рабочий; курсистки: Екатерина Попова, Мел. Жидкова, Анас. Потоцкая, Дарья Лобанова, Пр. Флерова, Нейгебауэр, Александровская, Багаева; фельдшерицы: Екат. Жидкова, Августа Селюк; счетчицы: Елиз. Попова, Люб. Нейфельт, Анна Заславская; статистик Боголепов, вернувшийся из Сибири Моисей Лурье (вып.), Александр Савенков, Вагин, Кис (вып.), студ. медик Кожухар, акуш. Кутузова, Фортунатова (прив. из Петерб.), Козырев; с фабрики Бонакер арестованы: корресп. Виктор Вальтер, конторщ. Влад. Васильев; с фабрики Матвеева: конт. Петр Алексеев, фотограф Тим. Морозов, фельдшер Пав. Карпов.

Ярославль. 23 апреля арестованы: статистики Дебюк, Гавеман, Локтин, Петров, Трегубов, Трефолев. Новичкая и др., конторщица М. Дидрихиль, студ. Клириков, Гладко, Петровский; учительница Ольга Варенцова.

Рославль, Смоленск. губ. 5 мая арестованы врач М. Ривкин и его жена, Р. Гинзбург, Пав. Турчанинов, 1 мая — гимназист Меркин, а 19-го — его брат.

Харьков. В мае в здешней тюрьме было 80 заключенных, из них 49 рабочих.

Николаев. В апреле арестовано 47 лиц: Калафати (интелл.), Мирский (рабочий), Мария Певзнер (акушерка), две сестры Вонские, Мошкович (провизор), Берлин (учитель) и др. При распространении «Летучего Листка» местного комитета взяты работница Екатерина Зубинская и один рабочий.

Тверь. В ночь на 3 мая были обыски у бывшего студ. Казанского, Александровского, бывш. курс. Рагозиной, статистика Букина, гимназистки Николаевской, рабочих Спиридонова, Соболева, Чеботарь, в имении Муравьевой. 30 апреля случайно арестован рабочий Некрасов. Гласный Тверск. земства В. Н. Линд отдан под гласный надзор на два года. 12 апреля арестована г-жа Буш.

Александр Ергин за убийство заседателя Калашникова (см. № 2 «Искры») присужден якутским судом к 4 годам арестантских рот.

Иваново-Вознесенск. В апреле месяце совместно с арестами в северном районе произведены аресты и здесь. Арестовано 90 рабочих, в их числе Н. Н. Панин, бывший рабочий Путиловского завода, находившийся с 1897 по 1900 г. в Восточной Сибири. Всего по делу «Северного Союза» арестовано 200 человек.

Арестованные по делу «Северного Союза», сидящие теперь в Москве, просят объявить статистика Владимирского земства Дубровского предателем.

В Вологде арестованы: адвокат Жданов, служащая в статистическом бюро Броневицкая, обоих увезли в Москву.

Июль. В харьковской тюрьме и арестном доме голодовка, вызванная тем, что многие сидят ½ года почти без допросов, без предъявления обвинений. Кроме того, грубое отношение администрации к заключенным.

НЕКРОЛОГ.

В Цюрихе 9 июля лишила себя жизни Юлия Видершаль, член Соц.-Демократической Партии Царства Польского и Литвы. Покойная родилась в 1873 г. и по окончании курса в цюрихском политехникуме поселилась в 1899 г. в г. Лодзи, где и работала в местной организации, которой оказала громадные услуги. На могилу умершей возложено 4 венка от польских товарищей и один — от группы «Искры» в Цюрихе.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Аркадию беспаспортному. Корресп. получили, пойдет в следующ. №. Адреса пока не получены.

От иностранца 50 руб., за майские листки 885 р., из Поволжья 50 руб. От Спб. Комитета за литературу 200 руб., через Галю 15 руб., через Певуна 10 руб., от родителей 50 руб., от О. С. через Дитца 40 руб., от Г. С. Д. 100 марок.

От цюрихского кружка на специальную цель получено 71 фр.

От комитета сибирской кассы для отправки енисейским ссылкой 44 фр. и 6 руб., от Юлия 18 фр. 50 с. на издание Туна; от В. В. Беатенберг 15 фр., из Цюриха за литературу 44 фр. 20 с., от женевской группы 23 фр., с реферата Плеханова 76 фр. 80 с. Из Лозанны за литературу 85 фр. 65 с.; из К. (б. к.) 50 марок, от Б. на литературу 183 фр.; за литературу 89 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Струве, Петр Бернгардович — ныне редактор белогвардейской «Русской Мысли», издающейся в Праге, и лидер правого крыла современной эмиграции, один из злейших врагов СССР. Выдвинулся в 90-х годах как «легальный марксист», автор книги: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (вышла в сентябре 1894 г.), в которой Струве, с одной стороны, дал критику народничества, а с другой — «признавал», по выражению В. И. Ленина, «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. В конце 90-х годов С. оказывает содействие революционной соц.-дем., является одним из авторов «Манифеста 1-го съезда Р.С.-Д.Р.П.» (1898 г.), участвует в 1900 г., вместе с Лениным и Мартовым, в совещании во Пскове, сотрудничает в первых №№ «Искры», но постепенно становится во главе русского оппортунизма и к 1902 г. окончательно порывает с марксизмом. С июля 1902 г. он начинает издавать в Штутгарде журнал «Освобождение» — орган земцев-конституционалистов и либеральной буржуазии. Во время революции 1905 года становится в ряды партии к.-д., избирается членом Ц. К. этой партии и ведет самую предательскую политику по отношению к революционным массам, способствуя сговору оппозиции с царизмом. После поражения революции 1905 г. С. стоит на самом правом крыле либерализма и принимает участие в реакционно-мистическом сборнике «Вехи». Во время гражданской войны Струве принимал участие в правительствах Деникина и Врангеля.

В. И. Ленин дал основательную критику «марксистских» работ С. уже с первых шагов его публицистической деятельности (См. Собр. соч. Н. Ленина, т. II, статья «Экономическое обоснование народничества и критика его в книге г. Струве [отражение марксизма в буржуазной литературе]»).

См. также прим. 1-е к № 2 и прим. 3-е к № 5 «Искры».

Прим. 2. См. № 15 «Искры», прим. 2-е.

Прим. 3. «Вестник Русской Революции» — теоретический орган партии с.-р. (№ 1 вышел в июле 1901 г.).

Прим. 4. «Революционная Россия» — центральный орган партии соц.-рев. Начал выходить в январе 1901 г. в Финляндии, с № 3 (январь 1902 г.) выходил за границей.

Прим. 5. «Особое Совещание о нуждах сельского хозяйства» было организовано по инициативе Витте в марте 1902 г. с целью борьбы со все растущим разорением крестьянства, мешающим развитию внутреннего рынка и вследствие этого затрудняющим развитие российской промышленности. (См. об этом «Искру», № 27.) Вокруг этого «Совещания» были организованы губернские и земские комитеты, которые должны были обсуждать вопросы узко-экономического характера, но фактически превратились в арену для политических выступлений земской оппозиции.

Прим. 6. Плеве, В. К. — см. прим. 3-е к № 21 «Искры».

ИСПРАВЛЕНИЯ.

В № 17 «Искры» (стр. 15) под статьей «Признаки банкротства» должна быть подпись: [Н. Ленин] (вместо: [Л. Мартов]).

В № 18 «Искры» (стр. 59) в отделе «Почтовый ящик» под ответом: «К. Н.» должна быть подпись: [Н. Ленин].